

МИТРОПОЛИТ ОМСКИЙ И ТАВРИЧЕСКИЙ ВЛАДИМИР (ИКИМ)

ІС ХС
НІКА

СЛОВА

В ДНИ ПАМЯТИ
ОСОБО ЧТИМЫХ СВЯТЫХ

митрополит Владимир (Иким)

**Слова в дни памяти особо
чтимых святых. Книга
первая. Март, апрель, май**

«Сибирская Благовонница»

2018

УДК 242
ББК 86.372-43

(Иким) м.

Слова в дни памяти особо чтимых святых. Книга первая. Март, апрель, май / м. (Иким) — «Сибирская Благовонница», 2018

ISBN 978-5-906911-71-1

Книга «Слова в дни памяти особо чтимых святых» (том первый) представляет собой сборник из 40 богослужебных проповедей митрополита Омского и Таврического Владимира, посвященных памяти отдельных святых Вселенской и Русской Церкви и отдельным событиям, связанным со ними (день кончины, обретения мощей, прославления и т. п.); охватывает весенний период в три месяца: с марта по май. В этих проповедях житийные материалы совмещаются с современной духовно-нравственной проблематикой, историческими оценками и духовными уроками, преломляясь через личный многолетний опыт архипастырского служения автора.

УДК 242

ББК 86.372-43

ISBN 978-5-906911-71-1

© (Иким) м., 2018

© Сибирская Благовонница, 2018

Содержание

От редакции	6
Слово о начале времен	8
Сотворение духовного неба	11
Начало времен	14
Вечность и время	18
Венец творения и его падение	21
Искаженный мир	26
Судьбы Божии	29
Тайна восьмого дня	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

**Митрополит Омский и
Таврический Владимир (Иким)
Слова в дни памяти особо чтимых
святых. Книга первая: март, апрель, май**

Рекомендовано к публикации Издательским советом Русской Православной Церкви
ИС Р17-714-0566

От редакции

Издательство «Сибирская Благовонница» продолжает публикацию цикла богослужебных проповедей митрополита Омского и Таврического Владимира (Икима). Новая его часть называется «Слова в дни памяти особо чтимых святых». Книга первая: март, апрель, май.

Традиционно многие церковные проповедники наряду с толкованием чтений из Священного Писания посвящали свои проповеди изложению житий святых угодников Божиих. Ибо, как писал преподобный Иоанн Дамаскин, «невозможно не праздновать памяти святых». Значение святых угодников Божиих, как замечает Дамаскин, в том, что на их крови «созидается Церковь», и «поэтому и смерть святых празднуется, и храмы им воздвигаются, и изображения начертываются». И, как пишет митрополит Владимир, «святые в народе Божиим играют роль совести» (С. 380).

Но значение святых для нас заключается и в том, что мы можем обращаться к ним за помощью в молитвах. И как говорит Дамаскин, «они... при содействии Бога сделались страшными для врагов и благодетелями для приходящих [к ним] с верою не как к богам и благодетелям по природе, но как к слугам и служителям Бога и как к таким, которые вследствие своей любви к Нему получили счастливый удел – *дерзновение* [или свободный к Богу доступ]». Итак, они становятся нашими духовными руководителями на пути к спасению. Ведь, по словам митрополита Владимира, «путь христианина к спасению труден, опасен, скользок и крут... Так тяжела эта дорога, потому что она проходит через мир, который *во зле лежит* (1 Ин. 5, 19). На высоком поприще необходимы проводники, знающие прямую тропу, могущие предостеречь от опасностей и губительных блужданий: таковы святые отцы, доблестно совершившие восхождение в Горнее Царствие» (С. 221).

Впрочем, взгляд митрополита Владимира на пути угодников Божиих к святости далек от елейно-сусального. По его словам, «христианская святость вовсе не означает идеальности и безгрешности. Более того, святые на своем пути, бывало, что впадали и в некоторые заблуждения, ведь все мы – люди, и нам свойственно ошибаться. Но в этом кроется и великая для нас надежда – никакая ошибка, пусть даже самая большая, не может закрыть нам путь к спасению и святости. Лишь бы мы вовремя осознали эту ошибку, а осознав, – покаяться, и покаяться деятельно» (С. 403). Ведь «и в житиях святых мы находим немало примеров, когда вершин святости достигали самые простые люди, и даже бывшие разбойники и убийцы» (С. 610).

Поэтому, как пророчески писал святитель Иоанн Шанхайский, «Россия восстанет, когда поднимет взор свой и увидит, что все святые, в земле Российской просиявшие, живы в Божием Царстве, что в них дух вечной жизни и что нам надо быть с ними и духовно коснуться и приобщиться их вечной жизни. В этом спасение России и всего мира». Редакция полагает, что книга митрополита Владимира внесет свою лепту в исполнение этого святого пророчества.

О жизни святых автор говорит просто, но ярко и убедительно. Книга поможет осмысленно участвовать в богослужбной молитве избранному святому. Полезной окажется данная книга и для священников при составлении проповеди, и в целом, как надеется редакция, найдет своего самого широкого благодарного читателя.

Слово о начале времен (1/14 марта)

*В начале Ты [Господи] основал землю, и небеса – дело Твоих рук...
все они, как риза, обветшают, и, как одежду, Ты переменишь их, – и
изменятся; но Ты – тот же...*

Пс. 101, 26–28

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!
Дорогие во Христе братья и сестры!

Этот месяц мы называем мартом, им начинается весна. Солнечные лучи становятся теплыми и ласковыми. Травы покрывают землю ярким ковром. Одеваются листвой деревья. Расцветают и благоухают цветы. Повсюду разносится ликующее птичье пение. Все это для нас – обычные земные радости. Но об этом месяце Господь сказал служителям Своим Моисею и Аарону и всем древним израильтянам: *Месяц сей да будет у вас началом месяцев, первым да будет он у вас между месяцами года* (Исх. 12,2). Земная весна напоминает нам о весне Вселенной – о начале времен, когда был создан этот мир со всеми его красотами.

Любуясь весенним расцветом творения, мы неизбежно устремляемся мыслью к Творцу.

Божественный апостол открыл нам великую истину, что Бог есть Любовь (1 Ин. 4, 16). Сотворение мира ничего не могло прибавить к полноте внутренней гармонии Божества, Его Всеблаженству. Ни в чем и ни в ком не нуждается Всесовершенный Господь. Причина сотворения Вселенной только одна: желание Всевышнего. То была воля Бога любви. Из этой созидающей мысли Всемогущего мгновенно (вневременно) возникло небывалое и неисчислимое многообразие форм, обликов, природ, сущностей. Так Бог стал Творцом. Создание мира явилось излиянием Божественной любви. Можно сказать: Бог сотворил мир любовью Своей.

Бог – *единый имеющий бессмертие, Который обитает в непреступном свете* (1 Тим. 6,16). Он по Своей сущности непостижим ни ангельским разумом, ни тем более земным человеческим рассудком. Однако стремление познать своего Творца не только законно, но и жизненно необходимо для всякого создания. В нем есть источник вечной жизни, а отказ от богопознания, по словам святого Григория Нисского, «сам по себе становится для человека причиной

погружения в страстную и нечестивую жизнь». Господь есть Источник жизни, отрыв от Него означает гибель. Поэтому творение призвано всеми силами – и чувством, и мыслью – принять к Нему. Но что же мы можем узнать о Непостижимом? Только то, что Он Сам благоволит открыть о Себе. Тщеславный рассудок, мнящий самостоятельно понять Всеобъемлющее Божество, похож на жалкую лужицу, сияющуюся вобрать в себя океан. Творец бесконечен, тварь ограничена.

Знание о Всевышнем может быть даровано только свыше, в Божественном Откровении. Таково бесценное сокровище Православия: познание Бога как Единосущной Святой Троицы.

У Всевышнего *нет изменения и ни тени перемены* (Иак. 1,17). Бог в Себе – Вседоволен. Его Всесовершенству чуждо внутреннее развитие, которое кажется – да и в действительности является – жизнью ограниченных созданий. Его Всемогущество исключает неисполнимость желаний, страстную внешнюю активность – то, что неразумным людям кажется «живой жизнью». И плоская логика рисует безжизненный образ: некое верховное существо, безучастное или даже беспощадное. Отсюда жесткость «строгих монотеизмов» в деизме и протестантских сектах. Отсюда холодный абсолютизм или высший разум у философов. Отсюда же, наконец, и клевета богоборцев, кричащих о небесном тиране. Но Истинный Бог бесконечно далек от всех этих мертвых схем.

Господь есть Бог Живой, есть Жизнь Вечная. Внутреннее бытие Его самодостаточно и неизменно, но оно бесконечно богаче, прекраснее, гармоничнее, бесконечно живее всех наших существований. Мы способны ощутить веяние Божественной Жизни – этого Высочайшего Покоя, этой Вечности Божией – только в свете тайны Троичности Божества. «Даже неясная тень Троицы наполняет меня волнением!» – восклицает святитель Григорий Богослов.

Говорить о тайнах Господних невероятно трудно. Наш ум мелок, наши понятия ничтожны, наш язык слаб и жалок. Даже Священное Писание, обращенное к людям, вынуждено употреблять приземленные образы – говорить о деснице и крепкой мышце, об очах и взоре Бога Всевышнего, хотя *Бог есть дух* (Ин. 4,24). Притча, образ, дальнейшее уподобление – вот средства, которые есть у нас, чтобы увидеть отблески Божественных Истин.

С чем сравнить богатство бытия Божия? Вот с чем: в чем красота драгоценного камня, почему им можно любоваться часами? В нем – сокровенная красота: переливы света и мерцание искр; яркий, струящийся блеск и неуловимое сияние. Станет ли алмаз, сверкающий тысячу граней, прекраснее, если вдруг придет в движение – скажем, начнет летать по комнате? Нет, конечно. Красота этого камня – внутренняя, самодостаточная, сама являет образ высокого покоя.

Высочайший покой Святой Троицы озарен внутренним сиянием – светом Всесовершенной Любви. Это предивная и пречудная, невыразимая и неизреченная полнота единения Трех Ипостасей – Отца и Сына и Святого Духа. Троица Единосущная, Неслиянная и Нераздельная! Единое Божество во взаимном блаженстве трех Лиц! Здесь немислимо одиночество, непредставимо противоречие, бессмысленно главенствование и подчинение – нет никакой тьмы в сокровенном Свете Господнем. Всесовершенен Союз Трех, Которые – Одно.

В тайне Троицы открывается нам Бог – Любовь. Через эту тайну мы начинаем понимать Господа и в Его деяниях – как Вселюбящего Создателя. Вот просветляющее, освобождающее, вдохновляющее Откровение.

«Благодать Божия не удовлетворилась созерцанием Самой Себя: пожелала излить и распространить благо, чтобы многие сделались участниками благодати, а это свойственно величайшей благодати», – учит святитель Григорий Богослов. Всещедрый Господь дал существование Вселенной, подарил жизнь Ангелам и людям. Но из самой сущности Творца следовало необходимое условие жизни Его созданий. Сотворенное Вселюбящим Богом должно было жить только в любви: ибо счастье и мудрость, добро и свет, созидание и вечность – все, что составляет истинную жизнь, объемлется любовью. Желание совершенства есть насущная

потребность любящего, так он устремляется к Богу как к Всесовершенной Любви, облачается в боголюбие. Всевышний Отец, возлюбивший оживотворенных Им Ангелов и людей, призывает их ко взаимной любви. *Всякий любящий рожден от Бога и знает Бога* (1 Ин. 4, 7). Но к любви нельзя принудить, это пресветлое чувство не терпит насилия. Отсюда высочайший – но и опаснейший, страшный дар Господа творению: свобода.

Творя мир, Бог не «смотрелся в зеркало», не просто рассылал повсюду блики Своего Света. Творец создавал особые, самостоятельные существа. Дарованный им *образ Божий* являлся начатком Божественных совершенств, одно из которых – свободная воля была способна омрачить и уничтожить все остальные. Каждому созданию было предоставлено на выбор: сказать «да» или «нет» Божественной Любви.

Всемогущий Создатель не мастерил послушных кукол. Ему не нужны были ни «духовные роботы», ни «биороботы». Господь творил мир для любви. А разве можно назвать любовью притяжение гвоздя к магниту или жжение инстинкта, подавляющее разум и волю? Только создание, свободно отвечающее любовью Вселюбящему Создателю, становится достойным своего Творца.

Бог творил совершенный мир – совершенный в добре, красоте, мудрости. Но лишь сокровенное бытие Святой Троицы является гармонией полной и нерушимой: создание всякого внешнего уже несло в себе некоторое противоречие. Об этом свидетельствует Священное Писание: пред Всевышним – даже небеса нечисты (Иов. 15,15)! При сотворении мира появляется неизбежный разрыв между Всесовершенством Создателя и совершенством творения. Этот разрыв открывает перед созданием просторы для совершенствования. Так, на крыльях всевозрастающей любви среди умножающегося счастья возносятся сыны Света к Вселюбящему Господу. Их блаженный полет бесконечен, как бесконечно Всесовершенство Создателя. Это путь тех, кто свободно избрал для себя верность Всевышнему. Но тот же разрыв может стать для твари падением в бездну, погружением в ненасытно мучительное небытие. Это жуткое низвержение так же бесконечно, ибо неуничтожимо бытие, дарованное Всемогущим Творцом. Таков путь сынов погибели, свободно избравших для себя противление любви Господней. Обо всем, чем чревата для мира свобода воли, знал Всеведущий Бог, *творя в начале небо и землю* (см. Быт. 1, 1).

Сотворение духовного неба

В первой же строке Откровения мы сталкиваемся со слабостью и нищетой нашего языка. Здесь каждое слово требует подробного толкования. Сам глагол «творить» здесь означает невместимое нашим рассудком понятие «создать из ничего». Здесь *земля* – это не сырая почва и не планета, а то, что мы весьма неточно называем веществом или материей: материал для создания видимого мира. Изначальное небо вовсе не голубая околоземная атмосфера и не чернота межзвездных пространств, но – незримый духовный мир. Наконец, *начало* – это еще отнюдь не начало времен, скорее его можно уподобить некоему остановленному мгновению, замершему мигу на границе вечности и времени.

Мириады чистейших светоносных духов – вот небо *начала*. Эти создания не были обременены плотью и кровью, не нуждались в пище и питье, им не нужен был земной воздух. Они были призваны дышать любовью – воздухом вечного счастья. Но один из высших Ангелов, Денница-Люцифер, сказал «нет».

Была неумолимая логика в том, что пала именно совершеннейшая и прекраснейшая тварь Божия. Денница обратил внимание не на Всесовершенство Создателя, а на свои собственные достоинства, подменив любовь самолюбованием. Он оглядывался вокруг и не находил среди небесных светочей равного себе – так он породил в себе гордыню. Выше его ему казался только Бог. Люцифер задался вопросами: почему Господь – Он, а не я? почему к Нему, а не ко мне устремляется ангельский мир? Проникшись завистью ко Всевышнему, верховный херувим пожелал свергнуть и истребить своего Создателя, чтобы самому занять Его место. Все это: гордость, зависть, ненависть – было сгустком лишь одной мрачной мысли, рожденной им, и этой мысли было достаточно, чтобы Денница погас. Прекраснейший и светлейший из Ангелов, он внезапно превратился в беспросветно-мерзкого диавола-сатану. Люцифер померк не один: он заразил своим мраком *треть светил* – духов, которые также позавидовали если и не Богу, то светлейшим своим собратьям. Эти зараженные тоже угасли, сделались гнусными демонами. На это темное перерождение не было воли Божией – то была свободная воля Люцифера и его присных. Но для них уже не было места среди любящих Бога светоносных Ангелов: Пресветлое небо вытолкнуло из себя духов злобы. Падение диавола и его воинства положило начало всем бедствиям тварного мира. Бог зла не творил – зло породил сатана.

Извращенная фантазия подвигла некоторых писателей на лезть диаволу. По страницам литературных произведений разгуливают «симпатичные» Мефистофели и «справедливые» Воланды. У Мильтона, Байрона, Шелли, Лермонтова и других писателей дух злобы вызывает сочувствие, предстает в образе романтического бунтаря, таинственного революционера. Эта романтизация зла является ложью и великим соблазном для человеческих душ. Вдохновитель подобных произведений, диавол-*человекоубийца* (Ин. 8, 44), не имеет ничего общего со своими подсахаренными портретами.

И в суетном земном мире мы нередко видим, как какой-нибудь заместитель «подсиживает» своего начальника – всячески старается ему навредить, чтобы самому занять его кресло. Но такой лукавый подчиненный обычно запасается хотя бы самооправданием: я, мол, умнее своего руководителя и лучше его справлюсь с делом. А говоря о действиях лукавого духа, нужно понимать, против чего и Кого восстал Люцифер.

Денница задумал уничтожить не просто вышестоящего начальника, а своего Создателя, Того, Кто подарил ему жизнь, ум, красоту, счастье. Мятеж против отца, отцеубийство – это навязчивая идея языческих культов, каждый из которых имеет более или менее явные признаки сатанизма. Такой мотив мы видим у верховных кумиров – к примеру, у вавилонского Мардука или у Зевса древних эллинов (заметим, что эллинская античность и по сей час считается «гармонически прекрасной», и в ней – исток так называемого западноевропейского

Возрождения). В наши дни сатанинская секта «Белое братство» пыталась внедрить в сердца молодых людей ненависть к их родителям. Так в культах земных поклонников диавола преломляется его мечта об убийстве Небесного Отца.

Надо понять, чему воспротивился Люцифер, когда сказал свое «нет» Божественной Любви. Созидание и доброта, свет и мудрость, милосердие и счастье – все это только у Бога и в Боге, без Которого невозможно никакое истинное благо. *Всякое даяние доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше, от Отца Светов* (Иак. 1,17). Господь – Творец, диавол – изобретатель. Наперекор Вселюбящему Богу сатана изобрел ненависть, ложь, подлость, жестокость, насилие, мрак, гнусные похоти и грязные страсти. Вся боль, все страдания, все скорби мира имеют только одного автора – сатану. Чудовищнейшие преступления, изощреннейшие пытки, омерзительнейшие извращения, даже мысль о которых не вмещает нормальное человеческое сознание, – все это вышло из диавольских мастерских. Людоеды, маньяки, сладострастные палачи: представление о них – это только тень жуткого облика *князя тьмы*. Если собрать воедино все отвратительное и вызывающее в нас ужас – и этого не хватит для того, чтобы описать всезлобного духа.

Вот в этот немыслимый кошмар, а вовсе не в романтический плащ одет пресловутый «печальный демон, дух изгнания». Вид олицетворенного зла, даже не самого диавола, а любого из его прислужников-бесов, настолько страшен, что этого не может вынести человек, не облеченный в броню святости. Вот почему злые силы часто являются обычно не в собственном облике, а в виде диковинных уродцев: к примеру, звероголовых богов у древних египтян, леших и домовых среди суеверных невежд или инопланетян с НЛО в наш повредившийся на технике век. Преподобный Серафим Саровский, обладавший духовной силой для прямого противоборства демонам, мог с содроганием сказать о них только одно: «Они гнусны».

Бог есть Даритель и Источник жизни. Диавол породил и несет с собою смерть. Духовная смерть несравненно страшнее умирания человеческих тел, при котором прах возвращается во прах, материя отдыхает до Судного дня. Но гибель, порожденная вселенским злом, – это вечно длящаяся пытка, нескончаемое погружение в глубины страдания. Сам диавол – самоубийца и вовлекает в самоубийство всех, кто покоряется ему. В представлениях земных безбожников-атеистов отразилась несбыточная мечта сатаны о небытии: его жажда погасить свое сознание, чтобы вместе с ним исчез весь мир. Это невозможно. Природа каждого существа имеет Божественное происхождение, она изначально добра и, даже искалечив в себе злом образ Божий, не способна уничтожить его, но обречена на нескончаемую тоску по Творцу. Зло – не сущность, а своевольно вызванная болезнь созданий Господних. Для падших духов и духовно погибших людей эта болезнь становится неизлечимой: они обрекли себя на вечное падение в бездну, где *плач и скрежет зубов* (Мф. 8,12). Бессмертие – лишь в любви к Господу Жизнодавцу, противление Богу – это безжизние, вековечная жуть геенны.

Небесный Отец желает дать Ангелам и людям как можно больше счастья – и каждый верный получает такое блаженство, какое только способен вместить. Цель отца лжи, сатаны, прямо противоположна: он жаждет причинить как можно больше страданий тем, кого ему удалось заманить в свои сети. Диавол – суперсадивист, и «заслуги» перед ним его палачей-рабов вызывают во всезлобном духе еще большую ярость палачества. Пусть помнят об этом те, кто в этом мире служит греху, пусть знают, какую страшную «награду» готовит им свирепый хозяин. Наперекор Божью Царству добра и света диавол изобрел преисподнюю: пыточную мастерскую с неугасимым мрачным огнем и неусыпающим сверлящим червем, с разнообразнейшим арсеналом чудовищных зверств. Горе несчастным, попавшим туда, ибо для многих это – навеки.

Чего же добился Денница, воспротивившись Божественной Любви? Всещедрый Создатель ничего не жалеет для Своих созданий: каждый получает всю радость и славу, какую может принять. Люцифер обладал великолепнейшим сиянием, большего величия была не способна вместить его природа, но гордецу показалось мало. Завистник пожелал прыгнуть выше головы.

Что ж, он стал первым в своем роде – воцарился в аду, на мрачной и смрадной свалке Вселенной. А былую славу Денницы давным-давно превзошел и малейший из Ангелов, сохранивших верность Всевышнему, ибо добрые духи непрерывно возрастают в сиянии Отчей Любви.

В Царстве Небесном светятся нежностью, пламенеют любовью, наполняются счастьем лучезарные сыны Божии. Каждый из них велик, мудр, прекрасен, могуч. Они сказали свое «да» Божественной Любви и приняты в объятия Всесовершенного Создателя. Ни один из верных Ангелов уже не может пасть: их выбор сделан в вечности – сроднившись с Небесным Отцом, они неколебимо утверждены в добре.

Земные суемудры часто вопрошают: как, дескать, Всеблагой Бог может обречь кого-то на страдания, тем более – на страдания вечные? Нет, не Господь обрекает аду Свои создания, а их собственная, обращенная во зло свободная воля. Но, мол, зачем дал им Бог свободу воли? Затем, что без этого творение мира становилось бы бессмысленным. Если бы Всевышний не творил ради того, чтобы не мучился сатана и прочие духовные самоубийцы, – не вызваны были бы к жизни мириады прекрасных и счастливейших сынов Света. Для жалких *совопросников века сего* гремит глас Всемогущего Творца: *Где был ты, когда Я полагал основания земли? Скажи, если знаешь* (Иов. 38,4). *Будешь ли состязаться со Вседержителем? Кто предварил Меня, чтобы Мне воздавать ему? под всем небом все Мое* (Иов. 41,3).

Светлый ангельский хор встречал начало времен не лукавыми вопросами, а восторгом умудренной любви. Господь творил видимую Вселенную *при общем ликовании утренних звезд, когда все сыны Божии восклицали от радости* (Иов. 38, 7).

Начало времен

Всевышний сотворил и духовный, и видимый мир из ничего. Не из Своей Сущности и не из чего-то внешнего – из ничего. Ничто не есть нечто. В превечности, прежде начала творения и начала времен, существовал только Бог. Никакой праматерии – ни духовной, ни вещественной – не было. Никакого «первобытного хаоса», о котором фантазировали древние греки и новейшие материалисты, не существовало. Атеистические басни о «самоорганизации материи» разоблачены уже и наукой. Термодинамика установила: вещество само по себе стремится не к «буйству стихий», а к превращению в совершенно однообразную, «пустую и безвидную» гигантскую кашу, в необозримую мертвечину. Движение, порядок, стройность, красоту дал материальной Вселенной Творец, создавший ее из ничего.

В современной астрофизике наиболее правдоподобной считается теория происхождения Вселенной вследствие взрыва некой точки, уже заключавшей в себе всю энергию мироздания. Что ж, действительно похоже. Точка не имеет ни длины, ни ширины, ни высоты – по сути она ничто. А энергия (величина которой стремится к бесконечности и о происхождении которой наука умалчивает) – это творящая мысль Божия. Впрочем, есть существеннейшая и существенная разница между научными теориями и Божественным Откровением. Мать мучеников Макавеев, вдохновляя младшего сына на подвиг во имя веры, говорила: *Умоляю тебя, дитя мое, посмотри на небо и землю и, видя все, что на них, познай, что все сотворил Бог из ничего* (2 Мак. 7, 28).

Вряд ли воспоминание о «взрывающейся точке» способно дать человеку мужество для принятия страшной казни. Иное дело – напоминание о Всемогуществе Небесного Отца, звучащее из уст доблестной матери мученика: *Творец мира, Который образовал природу человека, опять даст дыхание и жизнь с милостию тому, кто не щадит самого себя за Его законы. Дитя мое, прими смерть, чтоб я по милости Божией опять приобрела тебя* (см. 2 Мак. 7, 23, 29).

Вот так Богооткровенные Истины, в отличие от научных умозрений, являются для человека спасительными и спасающими.

Наука сама по себе есть добро. Исследуя мироустройство, видя его гармонию и разумность, человек может проникнуться мыслью о Премудрости Творца. По слову апостольскому: *Невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы* (Рим. 1,20). Но злая воля может извратить и доброе. Богопротивники XVIII–XIX веков сотворили из науки некоего кумира, отвлекая множество духовно нестойких людей от Творца и вовлекая в поклонение числам и формулам, измерительным приборам и теориям – плодам ограниченного человеческого рассудка. Ученый, как всякий человек, может заблуждаться в своих поисках – и именно заблуждения науки вроде «обезьяньей теории» Дарвина стали выдаваться за окончательные истины. Но возгордившийся рассудок совершенно забыл о том, что само слово «теория» означает лишь предположение, догадку, построение ума. Наукопоклонники объявили, что действительные, свыше данные истины – Священное Писание и даже само бытие Божие – якобы опровергнуты наукой, и стали высмеивать религию и верующих как людей темных и отсталых. Особенно ядовитые насмешки «научных» безбожников вызывал Шестоднев – первая глава книги Бытия, повествующая о сотворении мира Господом Богом. И вдруг к середине нынешнего века этот смех затих. Сама наука вдребезги разбила домыслы атеистов.

Господь сжалился над неразумными людьми, совращаемыми в наукопоклонничество, и даровал ученым целый ряд открытий, проявляющих Божественные основы мироустройства. Наука заняла подобающее ей место: поклонилась Всевышнему Творцу. Один из ее гениев, знаменитый Джон Томсон, свидетельствует: «По мере того как мы продвигаемся с вершины на

вершину знания, внезапно обнаруживается, что каждую из них давным-давно освоили богословы».

Шестоднев, над которым так усердно хихикали лже-мудрецы, в свете новейших научных открытий оказался точнейшей картиной миротворения, явленной людям еще в глубокой древности. Однако сейчас находятся упрямые невежды и в науке, и в вере, которые видят в Священном Писании только древний миф. Что можно посоветовать таким заблудшим? Перечитайте первую главу книги Бытия, а затем обратитесь к ученым за разъяснениями по поводу каждого из дней творения.

День первый. Дух Божий *носитя над водою* неорганизованной материи. Господь творит свет и отделяет его от тьмы.

Идите к специалистам по квантовой физике. Они расскажут, как, согласно уравнениям Шредингера, организовано управление материей при помощи нематериальных волновых функций (духовных сущностей). Они растолкуют роль света в структуре мироздания, объяснят, что означает отделение света от тьмы и какие силы движут то и другое. Академик Ф. Шипунов иронически замечает: «Раньше их называли Ангелами и бесами. Мы называем их электромагнитными матрицами».

День второй. Бог *отделяет воды от вод твердью* и называет твердь небом. Это небо-твердь, в подлиннике поименованное *покрышкой* или *распростертием*, – явление видимого мира, а не духовное небо *начала*.

Если что-то неясно здесь – ступайте к астрофизикам. Они объяснят, как во Вселенной *твердь* вакуумных пространств разделяла *воды от вод* газовых туманностей.

День третий. Бог *собирает воды под твердью в одно место* — создается планета Земля. На ней Творец выделяет из смещения сушу и воды (уже в нашем понимании) – созданы континенты, омываемые морями и океанами. На земле произрастают травы и деревья.

За объяснениями по поводу происхождения планет опять обратитесь к астрофизикам. Идите к геологам – они скажут, откуда взялись в почве угольные пласты и насколько появление растительной жизни предшествовало явлению жизни животной. Пойдите к ботаникам: они расскажут, что именно деревья и травы насытили воздух кислородом, которым дышит животный мир. Они же ответят на недоуменный вопрос: как могла существовать растительность еще до образования солнца? Растениям не обязателен солнечный свет, многим их видам достаточно космических лучей.

День четвертый. Бог *создает светила на тверди небесной*, в их числе – солнце и луну.

Ступайте к физикам, которые до сих пор бьются над общей теорией поля и не могут понять, как Творец утвердил движение звезд и планет на *тверди* пространства – *подвесил их на пустоте*.

День пятый. Бог создает морских животных, рыб и птиц.

Палеонтологи сообщат о предшествовании океанической жизни появлению животных на суше. Они растолкуют, кто такие *большие морские гады*, которые упоминаются среди других обитателей моря, – это плезиозавры, ихтиозавры и другие ископаемые гиганты. Кроме этого, ученым давно известно, что марксистский тезис о «жизни как способе существования белковых тел» несостоятелен. Жизнь отнюдь не «самозарождается из случайной химической реакции, а потом распространяется по земле», как предполагали лжефилософы-атеисты. Жизнь появилась на Земле сразу повсеместно в цветущем многообразии форм. Это научный закон: закон постоянства биомассы академика Вернадского.

День шестой. Господь создает *скотов и гадов и зверей земных породе их*. В конце всего *сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его, мужчину и женщину сотворил их* (Быт. 1, 26).

Идите к ученым. Биологи объяснят вам, что дарвинизм на фоне сегодняшних данных науки выглядит просто-таки неприлично. Открытия генетики, подтвержденные изысканиями

палеонтологии, утверждают: разные виды животных никак не могут происходить друг от друга вследствие борьбы за выживание: новые формы жизни появлялись одновременно, как бы всплесками, – причем не особыми видами или родами, а целыми отрядами. Единственный вид, который явился отдельно и позже всех, – это человек. Упрямым людям, которым до сих пор хочется «происходить от обезьяны», наука растолкует, что это так же невозможно, как слону вылупиться из куриного яйца: это запрещенный генетический переход. Что же касается пещерных людей, которых до сих пор рисуют в школьных учебниках, – антропологи скажут, что древние дикари ничем не отличались от современных диких племен, затерянных в непроходимых лесах Амазонии и на островах Тихого океана. Археологи и историки подтвердят: при всем разнообразии народов и рас облик и разум человека оставались, в сущности, неизменны на протяжении истории человечества.

Подробное истолкование Шестоднева с точки зрения науки есть задача православных ученых, желающих последовать совету святителя Игнатия (Брянчанинова): «Полезно извлекать из науки доказательства для веры, – ибо Истина веры находится в единении с истиною науки». Не только о сотворении мира, но и о других истинах, изложенных в Библии, могут многое рассказать ученые. Археологи – о том, как в горах Армении был, возможно, найден остов Ноева ковчега. Астрономы – о том, как в своих вычислениях они натолкнулись на «день остановленного солнца», случившийся во времена походов Иисуса Навина. Биологи – о людях, вышедших живыми из чрева кита. Историки – о древних рукописях, свидетельствующих истину Воскресения Христова. Об этом и еще о многом другом могут поведать ученые – и принести немалую пользу тем, кто обольщен атеистической ложью.

А для верующих сердец Божественное Откровение не нуждается в доказательствах. Язык науки труден, сух, не всякому доступен: понимание его требует особой, иногда долгой подготовки. Однако каждому человеку ясна вдохновенная речь библейского Откровения, повествующего об истинах не просто поучительных – о спасающих. Это призыв к вечной жизни: создание да ведает своего Создателя! И перед каждым человеком раскрыта книга естественного Откровения Божия – Вселенная, вдохновенным языком воспевающая своего Творца: *Небеса проповедают славу Божию, и о делах рук Его вещает твердь* (Пс. 18, 2).

Вслушаемся же в песнь, которой славословит творение своего Премудрого Создателя. Бесчисленны звезды, каждая из них – это океан многоцветно играющего огня. В светлой гармонии они движутся по черной *тверди* пространств – сходятся в созвездия, образуют галактики, вплетаются в серебристую дымку Млечного Пути. Этот дивный и величественный танец светил – какая стройность, какая высочайшая разумность в нем! Рядом с любой из лучезарных звезд такой малой кажется наша Земля, но сколько на ней дивного и прекрасного! Полуденная лазурь небосвода – и полуночное лунное сияние. Огнистые зори – и семицветье радуги. Моря с пенистыми волнами над таинственными глубинами – и горы, испещренные каменными узорами, увенчанные искристыми ледяными коронами. Стройные и могучие, устремленные ввысь чинары – и нежная, хрупкая белизна цветущих лилий. Огромный кит, выпускающий из себя фонтан воды, – и деловито жужжащий жук-бронзовик, сверкающий, как изумруд. Грациозный бег оленя – и медлительное движение улитки. Красочное оперение павлина – и пленительная песня соловья. И в дальнем, и в близком, и в великом, и в малом – во всем слышится эхо Божественных совершенств. Даже пылинка, пляшущая в солнечном луче, – и в ней славословие Всевышнему.

Премудро устроен мир. Чего ни коснется взгляд, к чему ни обратится мысль – всюду чудеса Господни. Полет звезд – и птичий полет. Течение соков дерева – и обращение крови в наших телах. Превращение воды в пар или лед – и прорастание зерна. Рост каменного кристалла в земле – и лепка тела ребенка в материнском чреве. Во всем – чудесный порядок, смысл и разум. Это свидетельство присутствия Мудрого Творца и Законодателя.

Весь мир сотворил Бог из ничего. Любуясь весенним цветением в марте, мы должны думать о начале времен – о весне, созданной Богом Вселенной. То был дивный расцвет. Ведь Сам Всевышний *увидел все, что Он создал, и вот, хорошо весьма* (Быт. 1, 31).

Вечность и время

Книга Бытия говорит о шести днях сотворения мира. Но что мы можем знать о днях Божиих? У Господа один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день (2 Пет. 3, 8). Что для Предвечного эти тысячи и миллионы, миллиарды и сикстиллионы лет, подсчет периодов и эпох, вся эта земная арифметика? Даже для человека время может двигаться очень поразному: оно то «летит», то «тянется», вовсе не соотносясь с тиканьем механических часов. В мгновения смертельной опасности или агонии человек может как бы заново пережить всю прожитую жизнь до мельчайших подробностей: проходит всего несколько секунд, а перед ним проносятся картины десятилетий. Неделя Шестоднева, по высказанному еще в древности мнению святых отцов, – это просто тот срок, за который Всевышний благоволил показать в видении первому человеку Адаму, а затем и Боговидцу Моисею, как именно был сотворен мир.

Для Бога нет времени: Его обитель – вечность. Но понятие о вечности принадлежит к числу тех, которые не вмещаются в ограниченный земной рассудок. Вечность вовсе не время, удлиняющееся в обе стороны, как представляется плоской человеческой логике, – нет, это совершенно иная форма бытия. О чем-то подобном начинают догадываться математики, когда говорят о многомерности вместо привычных трех пространственных и четвертого, временного измерений. Счастье Царства Небесного потому и непредставимо для нас, что тайны вечности не описываются человеческим языком. Но попытаться хоть как-то приблизиться к представлению о вечности необходимо. Это нужно хотя бы для того, чтобы заставить умолкнуть ропотников, находящих изъяны и ущербность в творении, которое Сам Всемогущий Создатель нашел *весьма хорошим*, совершенным. Пытаясь сопоставить вечность и временный мир, попробуем прибегнуть к образу.

Представьте себе прекраснейшую огромную картину, созданную гениальным живописцем. Если встать от этой картины поодаль и окинуть ее взором, она улаживает зрение и радует сердце. Но, если кто-то подойдет к холсту вплотную и уткнется в него носом, он увидит только отдельные мазки красок, которые могут показаться ему грубыми и беспорядочными. Вправе ли такой «знаток» судить о красоте произведения или тем паче критиковать его? А ведь в отношении к картине мира, созданной Всевышним Художником, наше положение еще хуже, чем у этого «знатока». Мы не просто уткнулись в холст мироздания – мы пребываем в самой плоскости необозримой картины мира, в крошечном ее кусочке. Мы копошимся среди непонятных нам, кажущихся случайными сочетаний цвета, света и тени: вот и все наше «пространство – время».

Живописец обладает гораздо большей полнотой жизни, чем плоские фигуры на созданном им полотне. Вот так же и вечность Божия есть несравненно большая полнота бытия, чем тварное существование в уголке временного мира. Время – как бы плоско, вечность – объемна. Мы рассуждаем об астрономических и геологических эпохах, а для взора Творца все время творения мира является лишь одним мазком краски на Его картине. Так и в наши дни: мы уже встретили третье тысячелетие новой эры – а для Бога эта еще для нас не начавшаяся *тысяча лет, как день вчерашний, когда он прошел* (Пс. 89, 5). Всеведущий Господь в мгновение ока видит все прошлое, настоящее, будущее – мира, человечества, каждого из нас.

Бог сказал о Своем творении: *Вот, хорошо весьма* (Быт. 1, 31). О смысле этих слов Всевышнего мы начнем догадываться, только если поймем: Господь сотворил мир уже вместе с его историей. Для Бога в *начале* времен был явлен и конец времени. Творец не просто провидел или знал, «что из этого выйдет»: Всемогущий создал Свое творение во всей его полноте, включающей его начало, течение, завершение – и переход в вечность. Совершенство деяний Божиих мы сможем постигнуть, только если Он сподобит нас войти в вечное Царство Его, –

тогда станут понятны сочетания красок, света и тени временного мира; станет ясно и то, как по Промыслу Божию даже силы зла способствуют вызреванию величайшего добра.

Беда и ужас нашего теперешнего положения в том, что мы живем в мире искаженном, изуродованном грехопадением человечества. Вокруг нас только развалины, руины изначальной красоты природы – и все равно как прекрасны явления, на которых осталась печать Божественного мироустройства! Бог сотворил чудесную Вселенную из ничего. А что творит, вернее, вытворяет с доверенной ему красотой падший человек? Вот даже сейчас, среди цветущей весны, если наш взор натолкнется на что-то неприятное или отвратительное, то будьте уверены: это дело рук человеческих. Премудростью Божией расцветают цветы, плодоносят деревья, плавают рыбы, летают птицы. Что в сравнении с этим наши грохочущие и скрежещущие, дурно пахнущие и опасные машины, которыми так гордится человеческий прогресс? Силы для жизни мы по-прежнему черпаем из природы Божией: нас кормят хлебные колосья и домашний скот; мы одеваемся в хлопок, лен и шерсть; мы строим наши жилища из глины и дерева. А что мы несем миру и себе самим? Гордый человек отравил почву, воду и воздух, даже в голубом нашем небе проделал «озоновую дыру» – на пути прогресса уже к самоубийству приблизилось человечество и теперь кричит: экологическая катастрофа! Кажется, единственное, в чем падший рассудок достиг своего рода совершенства, – это в военных изобретениях, в страшных орудиях убийства и разрушения. Но и тот «филиал ада», в который человеки стремятся превратить Землю, для тварного мира оказывается далеко не самым тяжким последствием греха Адама и его потомков. Изменив Творцу, человечество вовлекло в падение всю Вселенную.

Когда астрономы направили свои приборы в небесную твердь, начали вычислять размеры звезд и расстояния до них, выяснилось, какая маленькая у нас планета. Сработала магия гигантских чисел: Земля начала казаться людям ничтожной песчинкой, затерянной среди чудовищных пространств, а сами они – какими-то микробами на этой песчинке. Возникли предположения о том, что «на пыльных тропинках далеких планет» существуют похожие или непохожие на нас разумные существа. Забыв о единственно необходимой для нас встрече со Всевышним Создателем, начали грезить о встрече с «инопланетным разумом». Однако ничего разумного из космоса они так и не дождались. Этим поветрием воспользовались только духи злобы, являющиеся теперь в новомодных обличьях НЛО, инопланетян, полтергейстов, а по действиям их узнается давным-давно известная Церкви бесовская методика. Но вдруг наука предъявила новые данные, опрокидывающие все былые представления о «великом и малом» в мироздании. Предположено, что «песчинка» – Земля – это тот узел, в котором сходятся энергетические, волновые, информационные потоки Вселенной. Этот видимый мир (отметим – в нынешнем его состоянии) просто не имеет энергии для создания второй биосферы, где разум мог бы существовать в материальной оболочке. Околонаучные домыслы и научная фантастика оказались совершенно ненаучными. Никаких инопланетян нет и быть не может. Модная дискуссия на тему, одиноки ли мы, мол, во Вселенной, получила твердый ответ: такие – да, одиноки. Без Бога люди не просто одиноки, а одиноки бесконечно; ужаснее того – они окружены убийцами-демонами. А в видимом мире человек – единственное разумное существо. Известный русский богослов XX века В. Н. Лосский утверждал: «В центре Вселенной бьется сердце человека».

Для Бога нет пространственной удаленности, так же как нет временных длительностей. Своими лучами (в богословии это иногда называют нетварными энергиями) Всевышний пронизывает все, даже беспросветнейшие глубины ада. Вездеприсутствие Божие можно уподобить рентгеновскому излучению, пронизывающему любые непрозрачные предметы. Ни в видимом, ни в духовном мире нет уголка, где не присутствовал бы Бог, – такое место просто не может существовать. Господь Своєю благодатью осеняет каждое создание, но проявляется дар Божий только тогда, когда это создание устремляет навстречу ему свою свободную волю. Так Ангел или святой человек может просиять. Такова была природа Фаворского Света, зримо преобра-

жившего земное тело Христа Спасителя. Таковы цель и смысл существования всех, кто хочет стать по благодати сыном Божиим: это стяжание Духа Святого, проявление в себе лучей Божества.

Только духовные реальности, а не физические размеры и расстояния имеют ценность для Царства Божия. Поэтому Земля, где живут создания, способные воспринять благодать, – это истинный, духовный центр видимого мира. Так снимается вопрос библейских критиков: дескать, почему в Шестодневе так много внимания уделяется маленькой планете Земля? Но возникает иной вопрос: зачем нужны грандиозность, величие, сокровенные красоты бесчисленных звездных миров, если там нет жизни? Ведь так Вселенная, при всем своем блеске и необъятности, представляется мертвенной, каким-то гигантским сверкающим трупом? Но им стоит возразить так: есть вопросы, которые выходят за рамки человеческой компетенции. К примеру, святые отцы не интересовались особенно, «есть ли жизнь на Марсе». Их больше интересовало спасение их самих и человечества на планете Земля. А вопросы, подобные вышеупомянутому, они считали для себя лишними значения для вечной жизни и возлагали все на Бога. Если Бог что-то нам не открыл из того, что не имеет отношения к нашему спасению и исполнению Его заповедей, то нам и не нужно по этому поводу любопытствовать.

Венец творения и его падение

Человек есть любимое создание Творца. По образному выражению святых отцов, человек был введен во Вселенную как царь и первосвященник. Его именуют венцом творения: странно это слышать в нашем исковерканном мире. Но это действительно так. Даже ангельское Небо создавал Всевышний единым мановением. А перед сотворением человека словно бы останавливается творящая мысль Господня; как бы Сам с Собой беседует Премудрый перед этим деянием. Мы слышим: *Сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему [и] по подобию Нашему* (Быт. 1, 26). Это – Предвечный Троический Совет.

Человек создавался на стыке двух миров: невидимого и видимого. Он был призван совместить в себе ангельскую духовность и вещественную оболочку. Это создание являлось звеном, связующим Небо и землю, могло увлечь за собою землю к Небесам, как об этом говорил преподобный Максим Исповедник: «В человеческое существо, как в горнило, стекается все созданное Богом и в нем из разных природ, как из разных звуков, слагается в единую гармонию». Такое создание должно было явиться совершеннейшим и любимейшим среди всех, рожденных Божественной любовью.

Как просто мог поступить Господь, желая одухотворить материю: достаточно было одеть в плоть Ангелов, уже испытанных на верность Небесному Отцу, – и вся Вселенная послушно бы устремилась к Нему вслед за такими хозяевами. Но иное судила премудрость Божия. Всевышний сотворил новое существо: в комок земного праха *вдунул дыхание жизни* – благодать Духа, призывающую к вечности. Человек был сочетай из величия своего потенциального предназначения – жизни в Боге и с Богом и ничтожества – возникновения из ничто и всегдашней возможности в это ничто обратиться вновь из-за потери живительной связи с Источником своей жизни – Богом. И этому созданию строгая любовь Всевышнего также предназначила Свой страшный дар: свободу воли.

Не случайно в Священном Писании и православной иконографии дан образ «задумчивости» Пресвятой Троицы перед этим деянием. Судьба человека во времени и в вечности являлась самой сложной из судеб всего сотворенного. Создание его *по образу и подобию Божию* включало в себя прозреваемую Всеведущим Творцом полноту истории человечества. А в начале времен человек получал только *образ* – семя Божественных совершенств, которое призван был взрастить в себе любовью к Создателю. Троический Совет говорит: *сотворим человека по образу Нашему [и] по подобию*, – но в начале времен *сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его* (Быт. 1, 26–27). Наделенный образом Господним, человек мог свободно избрать для себя путь к уподоблению Вселюбящему Божеству – обоготвориться самому и одухотворить мир, данный ему для царствования и священнодействия. Вот: *царство, уготованное благословенным от создания мира* (см. Мф. 25,34). Но, как и для ангельских Сил, для человека существовала возможность иного выбора: противление своему Создателю, падение. Всезрящий Господь изначально знал: человек падет и никогда не сможет подняться сам. Премудрость Троического Совета – в тайне Искупления падших Кровью Господней.

Тайна вочеловечения Сына Божия! В сотворение мира включалась и эта непостижимая Жертва: Самопожертвование Всевышнего ради спасения человека. Величие – и трогательность, Всемогущество – и умирительность любви Святой Троицы к падшим. На Предвечном Троическом Совете уже звучали слова Отца, обращенные к Сыну: *Ради крови завета Твоего Я освобожу узников* (Зах. 9,11). Так мы можем понять, кто мы такие. Мы – глина, окропленная и скрепленная Кровью Господней. Можно сказать: Бог сотворил мир из Своей Любви, а спасенных людей – из Жертвенной Любви, из Крови Своей. «Какой у нас Господь! О, как любит Господь Свое создание! Велик и непостижим наш Господь, но ради нас так Себя ума-

лил, чтобы жили мы на Небесах и видели славу Его. Бедна душа моя, и нет сил описать Любовь Господню!» – восклицает преподобный Силуан Афонский. Бог в Лице Сына сошел из неприступной славы – в земной прах, из неизреченного счастья – на позорную казнь. В страшном Самообнищании, в бесконечном Самоумалении открывал Творец миру, что это такое – Божественная Любовь. Такова была *полнота времен*, таившаяся уже в сотворении первых людей.

В начале времен человек был создан совершенным. Мы не можем себе и представить, какими прекрасными явились эти первые люди: Адам и Ева. Прекрасны были души и тела их. Облеченные сиянием Божественной благодати, они не нуждались в иной одежде. Причастные Любви Господней, они были совершенны и во взаимной любви. Ничто не омрачало их жизни, ни в чем не имели они недостатка. Вселенная улыбалась им. Тенистые деревья услаждали их дивными плодами. Для них благоухали травы и цветы. Птицы пели для них, и звери ласкались к ним. Для них струились реки и пенились моря. Для них сияло солнце и светила луна, и звезды исполняли для них свой пленительный танец. Все богатства мироздания даровал Бог любимому Своему созданию – человеку.

Как нежные родители кладут свое дитя в уютную колыбель, так Небесный Отец поместил первых людей в чудесный мир райского сада. Там человек мог безмятежно и свободно возрастать до царственного своего призвания. Но уже и в этом уютном уголке мира наши прародители вовсе не были несмышленными младенцами. Всещедрый Создатель наделил их высоким разумом и духовным могуществом. *Господь Бог всех животных полевых и всех птиц небесных привел к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей* (Быт. 2, 19). Чем являлся этот праязык, этот забытый первый язык человечества? Именуя животное или предмет, Адам вовсе не произносил случайный набор звуков – нет, он сразу постигал сущность и смысл названной вещи или существа, обретал над ними власть. Подобное знание и не снилось никакой науке; подобная мощь и не грезилась никакой технике. Подобно Самому Богу, человек наделялся творческим и творящим словом и с помощью такого слова мог пересоздавать, преображать мир. То был первый шаг к вселенскому воцарению рода человеческого. Первым людям Всевышний дал заповедь: *плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею* (Быт. 1, 28), чтобы затем и лучистые хороводы светил, огненные миры звезд ласкались к ним и их потомкам, как ластятся в райском саду игривые львы и добрые слоны. «О, когда бы человек так Бога почитал, как он почтен от Бога!» – восклицает святитель Тихон Задонский.

Господь знал хрупкость человеческой природы, возведенной Духом из праха. Поэтому и не ставил первых людей перед таким испытанием, как ничем не связанные бестелесные духи, которым предлагался строгий выбор между «да» и «нет», полет к совершенству или падение в бездну. Несравненно мягче испытывалась свобода человеческой воли.

Всевышний со всех сторон окружил первых людей Своими Отеческими заботами, осыпал их множеством благодеяний – Адаму и Еве было дано все, чтобы они могли проникнуться благодарностью и любовью к Творцу. Само испытание их верности было как бы просто знаком, тенью искушения: от них требовалось только одно – не есть плодов запрещенного дерева. Все нужное людям в изобилии давал рай: никакая потребность не могла понудить их к измене Господу. Небесному Отцу ничего не было жаль для любимых детей: именно для человека и росло в раю дерево познания добра и зла с его лакомыми на вид плодами. Но твердая пища, необходимая взрослым, бывает смертоносна для младенцев. Достигнув духовной зрелости, первые люди без опасности для себя могли бы постичь, что кроме добра Божия существует зло диавольское, и это знание дало бы возмужавшему человечеству новые силы для совершенствования. Об опасности преждевременного вкушения этих плодов Господь предупреждал Адама и Еву, говоря: *Не ешьте их и не прикасайтесь к ним, чтобы вам не умереть* (Быт. 3, 3). Однако именно к запретной от Бога пище протянули наши прародители свои преступные руки.

Свобода воли, придающая смысл и ценность любви, немислима без испытания. У людей было более чем достаточно разума и сил, чтобы выдержать искус запретным плодом: но вот истинна ли была их любовь ко Всевышнему? И Господь дал проявиться человеческой свободе – не убрал долой с людских глаз опасное древо, позволил вползти в рай еще одной свободной твари – змию-искусителю, сатане.

Всезлобный дух полон мучительной ненависти. Этот внутренний ад диавол сам свободно избрал для себя, сам породил в себе, возненавидев Создателя своего, Бога Вселюбящего. Любовь дарует счастье – ненависть заставляет страдать. Терзаясь неутомимой враждой, сатана жаждет причинять страдания всему и всем, погрузить в свой ад весь мир. Ненавидя Бога, диавол перенес ярость этой ненависти и на любимое создание Божие – человека. Всезлобному духу казалась нестерпимой мысль о том, что какая-то созданная из праха тварь блаженствует в раю, когда он, гордый Люцифер, так страдает. Сатана позавидовал человеку и как бы «воплотился»: вошел в змия – изящнейшее и хитрейшее из райских животных. В судьбах мира эта материализация сатанинской ненависти могла быть преодолена только зримым явлением Божественной любви: древнее «диаволовоплощение» побеждалось Боговоплощением.

Обращенная к Еве речь змия была чудовищной клеветой на Бога. Сатана говорил: мол, Господь лжет вам, не хочет дать вам сокровище, которое сделает людей такими же великими, как Он Сам. Так клеветала злая тварь на Всещедрого Творца. Истинная любовь не принимает клевету – это святое чувство *не завидует, не мыслит зла, не радуется неправде* (1 Кор. 13, 4–6). Такова ли была любовь Евы к Небесному Отцу? Слушая льстивое шипение змия, она забыла, что Всевышний даровал ей жизнь и райское счастье. Ей показалось соблазнительным сделаться некой «богиней» не через возрастание в любви и совершенстве – а сразу, от кусочка этого «яблочка», такого приятного и вкусного на вид. Ева доверилась не правде Божией, а обольстительной речи диавола. Она откусила «лакомый» кусочек запретного плода. Это была измена, поругание Божественной Любви. Так пала Ева, *мать всех живущих* (Быт. 3, 20).

Адам сделался жертвой более тонкого соблазна. Льстивые речи он слышал не от змия-сатаны, а от любимой своей подруги, уже зараженной вселенской злобой. Адам явился как бы первым рыцарем прекрасной дамы, древнейшим джентльменом, он вкусил от погибельного плода, чтобы угодить жене. Так он предпочел свою земную любовь Любви Небесной. Ею тотчас же и земное чувство его омрачилось, начало разрушаться. Пришла расплата за грех – и Адам уже обвиняет во всем свою подругу: мол, не я виноват, она соблазнила меня... Истинная любовь – от Вселюбящего Бога: она не может существовать без своего Небесного Источника. Так всегда, так и у нас: мы не можем истинно любить и даровать счастье своим ближним, если не верны Всевышнему. Только с Богом и в Боге наши лучшие земные чувства могут стать совершенными и вечными. Любовь к Небесному Отцу – вот золотой ключ ко взаимной любви между нами. А потакая пустым и злым прихотям близких людей, ради этого забывая заповеди Господни, мы только губим и себя, и тех, кто дорог нашему сердцу.

Породивший в себе и из себя ненависть, диавол сделался и отцом лжи. Сатана солгал людям: попробовав запретный плод, они вовсе не *стали, как боги*, а лишились одежды Божественной благодати, поняли свою наготу и ничтожество. *Образ Божий* в них затемнился, на первый план выступил *земной прах*. Нашим прародителям оставалась еще последняя возможность сразу же возродиться: для этого нужно было бежать к Небесному Отцу с плачем о своем грехе и своей беде, вернуться в любовь Божию. Но они бежали не к Богу, а помрачившимся рассудком надеялись скрыться от Него между деревьями рая (см. Быт. 3, 8). Последний зов Отчий прозвучал в райском саду: *Адам, где ты?... не ел ли ты от дерева, с которого Я запретил тебе есть?* (Быт. 3, 9, 12). Но не спасительным покаянием, а подсказанной диаволом клеветой отвечал Адам своему Творцу: *...жена, которую Ты мне дал, она дала мне от дерева, и я ел* (Быт. 3, 12). Так падший человек начал клеветать на Всевышнего, обвинять в собственном грехе Самого Бога: зачем, мол, дал такую жену?

Вот так и мы начинаем клеветать на Небесного Отца: мол, в наших непотребствах и гибели виноваты родители, которых Ты дал; виновата жена или муж, которых Ты дал; виноваты друзья, которыми Ты окружил; виноваты век и страна, в которых Ты поселил... Но где же были мы сами: где был сам человек с его свободной волей, зрячим разумом, способным любить сердцем? И для каждого погибшего, для каждого павшего звучит глас Господень: *Адам, где ты?* «Что ты сделал со своей бессмертной душой?»

Тяжкий труд, болезни и телесная смерть были последними дарами, которые получили Адам и Ева при изгнании из рая. Да, это звучало проклятием, но являлось даром милосердия Всевышнего. Труд и боль – как милосердное наказание за преступление, смерть тела – вместо вечной пытки, на которую обрекают себя закосневшие во зле существа. Так избавлен человек от уподобления демонам. Испытания и горести временной жизни, возвращение во прах взятой из праха телесной оболочки – все это могло побудить падших людей к раскаянию, к спасительной тоске по утраченному счастью единения с Небесным Отцом, к возвращению в Божественную любовь. Ибо у павшего человечества еще оставалась надежда...

Часто приходится слышать наивно-лукавый вопрос: дескать, Адам с Евой согрешили, а мы-то почему должны страдать? Что можно ответить таким совопросникам? Во-первых, потому, что мы потомки Адама и Евы и последствия их греха в виде смертности и тления переходят на нас при рождении. Во-вторых, никто и с нас ответственности за наши грехи не снимает: не грешите – и страдать не будете. Попробуйте в течение не то что года или месяца, а хотя бы на протяжении одного дня не вкушать запретных плодов – воздержаться не только от греховных дел, но и от нечистых мыслей: тщеславия и осуждения, похоти и гнева, зависти и недоброжелательства... Вряд ли что-нибудь получится у тех, кто считает себя лучше праотца Адама. Недаром даже святые отцы, великие подвижники, считали для себя великим благом хоть день один сохраниться от греха. С падением Адама и Евы пали все их потомки: человек стал «удобопреклонным на зло». Почему это так? Изменив Небесному Отцу, люди исказили свою природу – из светлых созданий стали существами помраченными. Волчонок не спрашивает у своих родителей: почему я не рожден быть овцой? Вот так и Адамову роду не стоит спрашивать: почему над нами довлеет прародительский грех? Иначе мы были бы не людьми, а существами иной природы (и в частности, не задавали бы глупых вопросов). Но, несмотря на первородную порчу наших душ, Небесный Отец даровал нам надежду, дал нам силы для очищения и высветления себя, зовет нас из павшего мира в Царствие Небесное.

И после грехопадения у людей оставалась надежда. Надежда оставалась потому, что человек не сам породил в себе зло, а был соблазнен. Дьявол и падшие с ним духи омрачили себя изнутри, беспросветно. В людей зло вошло извне, и в их душах еще оставалась искра Божественного Света. Но мучительно долгий путь из бездны предстоял людям, спасаемым Человеческим Божием. И поистине ужасно было перерождение наших прародителей из светлых детей Всевышнего в жалких чад греха.

Святитель Иоанн Златоуст говорит: «Человек жил в земном раю, как ангел какой, – был в теле, но не имел телесных нужд. Как царь, украшенный диадемою и облеченный в порфиру, свободно наслаждался он райским жилищем, имея во всем изобилие».

Так было, пока имел человек дерзновение перед Богом. А ныне должны мы думать о том, что тело наше образовано из персти земной. И сколько бы мы ни насупливали брови – должны принизиться, смириться; размышляя о природе своей, мы научаемся скромности в суждениях.

Да, наша падшая оскверненная природа действительно научает нас скромности, напоминает людям об их изначальной величии и теперешнем ничтожестве. Об этом говорит наша искаленная биология, болезни, уродства, старение и, наконец, зловоние от наших гробов. Об этом вопиет наша извращенная психология со вспышками мучительных страстей, расслабленностью воли, леностью и пустыми блужданиями ума. Даже святое чувство взаимной любви в нас искажено порою до неузнаваемости: подменяется чувственностью, смешивается со своеко-

рытием, човекоугодием или жаждой власти над ближним. Как низко пал, как жалко переродился и выродился душою и телом человек – бывший венец творения, изгнанник рая Божия!

Искаженный мир

Пал человек, властелин земли, – и жестокие гримасы начали коверкать лицо земной природы. Разрушилась гармония созданных Господом живых существ: меж ними явились кроваждность и коварство, безобразие и нечистота. Даже насекомые начали приносить вред. Даже растения стали источать яд. Даже мельчайшие организмы, бактерии и микробы, сделались мучителями и убийцами. Разнуздались и слепые стихии: в ярости вулканов, в разрушительной силе землетрясений, в свирепости ураганных ветров, в иссушающем зное и мертвящем холоде. В наши дни адские силы извлекаются даже из кирпичиков мироздания: из атомных ядер, из тепловых лучей. Не райский сад, а адский кошмар все больше напоминает собою изуродованная земля. Так сбывается предвещание Господне падшему Адаму: *Проклята будет земля в делах твоих* (Быт. 3, 18).

Грехопадение человечества стало вселенской катастрофой. Так, когда повержен царь, враги превращают в развалины его царство. Человек был призван одухотворить собою землю и космос; вместо этого он оземлился сам. Призванный царствовать над природой, он сам превратил себя в «жалкий микроб на земле» – и обрек на хаос саму природу вокруг себя. По слову Священного Писания: *Тварь покорилась суете не добровольно, но по воле покорившего ее* (Рим. 8, 20) – по злой воле падшего человечества.

Не самовластие и не свободу нашел человек, прельстившись диавольским соблазном «стать, как бог» наперекор Небесному Отцу. Изменив любви Отчей, люди попали в рабство к ненавистнику и человекоубийце – сатане, поработив этот мир страшному хозяину. Но диавол сумел только исказить лицо Вселенной, а не воцариться в ней. Святитель Григорий Палама говорит: «Не подумайте, что лукавый обладает небом и землею и сущими между ними тварями Божиими. Прочь, такая абсурдная мысль! – Господь, измеривший пядью небо и держащий землю горстью, является Единственным Творцом и Владыкой их. Но злоупотребление вещами на основании страстей, мир неправды, злая похоть и гордость – не от Отца. Итак, этот мир во зле лежит по причине нашего злоупотребления и дурного заведования; вот этот мир, миродержителем которого является сатана. И грехолюбивые люди делают диавола своим самодержцем». Объяснив это, богомудрый святитель Григорий призывает верных: «Но мы, сочисленные Христу, возжелаем Горнего мира, убоимся геенны огненной, бежим от всяческой неправды и скверны: ибо по причине сих мы, увы, самим себе и миру сему поставляем князем – лукавого. Бежим, следовательно, от обманов злого мира и покажем, чрез добрые наши дела, что и мы сами – дело всеблагих рук Божиих. Потому что таким образом мы прекрасно будем пользоваться вещами нынешнего века и в свое время насладимся обетованными вечными благами».

Мы живем в искаженном мире, полном соблазнов, греха и скорби. Мы живем во временном мире, разрушающемся и обреченном на уничтожение. Всевышний хранит этот мир от окончательного падения – до Судного часа, как сказано святителем Филаретом Московским: «Словом Божиим тварь сохраняется под бездной Божией бесконечности, над бездной собственного ничтожества». Мы существуем как бы на тонкой пленке между истинным миром Божиим с его Ангелами и душами святых – Царством Небесным и гиблым диавольским анти-миром – адом.

Многие богословы считают, что весь путь человечества от грехопадения до Страшного Суда – это всего один *день Господень*: седьмой день творения. Как известно из книги Бытия, *почил Бог в день седьмый от всех дел Своих, которые делал* (Быт. 2, 2). Но значит ли это, что Всевышний просто ушел из сотворенного Им мира, оставив его на произвол злых духов и падших людей? Ни в коей мере: думать так было бы безумием. Такая мысль получила название деизма. Господь наш Иисус Христос, воплотившийся Сын Божий, говорит: *Отец Мой доныне делает, и Я делаю* (Ин.5,17).

Что же означает покой дня седьмого, таинственный отдых Божий? Только одно: Господь уже не создает новых форм жизни и материи. Бог сотворил мир, дал ему законы – и как бы отпустил тварь на свободу, но отнюдь не подчинил творение ее произволу. *Всевышний донныне делает:* Он владычествует над миром – но не насилием, не прямыми проявлениями Своего Всемогущества, а мудростью, таинственным Промыслом Своим.

То, что мы называем естественными явлениями, естественным ходом событий, – есть богоустановленные законы природы, изменить которые легче легкого для Самого Законодателя. «У Бога и вода попаляет, и огонь орошает», – говорит святитель Филарет Московский. «Для Бога проще возжечь новое солнце, чем нам с вами свечку зажечь», – замечает архиепископ Иннокентий (Борисов). Но Всепремудрый Господь не делает ничего бессмысленного. Зачем Творцу менять Им же данные правила мироздания, проникнутые высочайшей разумностью, чудеснейшие? Эти истинные чудеса премудрости Божией окружают нас со всех сторон; мы считаем их чем-то обычным, потому что привыкли к ним. Надо сказать, что это дурная привычка – лень разума, не желающего задуматься над сокровенным смыслом вещей. Так, если бы перед нами, как перед древними израильтянами в пустыне, постоянно горел огненный столп славы Божией, мы бы к этому тоже привыкли, стали бы считать это естественным. Ведь перед нашими невидящими глазами и сейчас, и всегда находится ярко горящий столп славы Творца: Вселенная.

Мы считаем сверхъестественным, чудесным лишь то, что выходит за рамки наших обычных представлений, перед чем заходит в тупик наша ограниченная наука. Что ж, на протяжении человеческой истории и такие чудеса Всецелый Господь являл во множестве – для исцеления нашего маловерия, для научения или предостережения. Еще в ветхозаветной древности пламя огненной печи ласкало тела подвижников веры – трех еврейских отроков в Вавилоне, как нежный туман, и горела вода на жертвеннике по молитве святого пророка Илии. В каждом истинном чуде Божиим является высочайший смысл. Вспомним чудеса Христовы: умножение пищи для голодных, исцеление безнадежно больных, воскрешение мертвых – в каждом из этих деяний и польза для телесных нужд людей, и великая польза духовная. Это премудрые уроки, призывающие на путь вечного спасения.

Прямо противоположный характер носят явные вторжения в мир злых духов, которые также именуются сверхъестественными, или аномальными, явлениями. Эти гримасы вселенской злобы – устрашения или издевательские насмешки бесовские – поражают вопиющей бессмыслицей. Таковы бессвязные «прорицания» демонов на спиритических сеансах. Таковы безумные абсурды «астрала и ментала» в оккультных действиях. Таковы бессмысленные поступки «инопланетян с НЛО». Таково хулиганство «барабашек» и «полтергейстов». Все это – давным-давно известные Церкви Божией, лишь подправленные на новомодный лад формы проявлений нечистой силы. Цель демонических издевательств над малопросвещенными людьми – испугать или смутить, сбить с толку, увести от поиска Божественной истины. Такое нельзя назвать истинными чудесами: это скорее похоже на балаганные фокусы; однако бесовское «фокусничанье» далеко не безобидно. Иногда силы зла даже приносят людям кажущуюся пользу: таковы «исцеления» старинных колдунов и нынешних экстрасенсов – после недолгого облегчения болезнь возвращается к «исцеленному» с удесятеренной силой, а бессмертной душе его уже нанесен страшный удар. Любопытство к бесовским фокусам, тем более доверие к ним, – это не вера, а суеверие, напрасное и пагубное. Святитель Иоанн Златоуст говорит: «Суеверия – смешное и забавное внушение сатаны, впрочем, не смеху только, но и геенне подвергающее оболыцающихся». В последние времена таковым будет «позорище бессмысленных чудес и знамений» антихриста, из-за которого соблазнится и навеки погибнет множество суеверных людей. Верным же нужно помнить, что любое овеществление злобных духов, в том числе и антихристово фокусничество, становится возможным только из-за умножения человеческих грехов – только по попущению Правосудного Господа Вседержителя.

Механизм взаимодействия сил добра и зла позволяет увидеть новейшие открытия ученых. Квантовая физика утверждает, что все процессы во Вселенной определяются нематериальными волновыми пси-функциями уравнений Шредингера, – в переводе на язык Откровения это, как уже говорилось, духовные сущности, существа духовного мира. Обнаружены волновые функции, положительные и отрицательные: первые стремятся к созиданию и сохранению существующего – это светлые Ангелы; вторые несут с собой разрушение и уничтожение – это духи тьмы. Соприкосновение отрицательного духовного мира, античастиц этого антимира с чем-то в мире видимом означает мгновенную аннигиляцию, взрыв, смерть. Выяснилось, что даже слабейшая из отрицательных пси-функций способна уничтожить всю нашу

Вселенную; это то, о чем говорил еще преподобный Серафим Саровский: «Малейший из бесов своим когтем может перевернуть всю землю. Одна Божественная благодать Всесвятого Духа, туне даруемая нам, православным христианам, за божественные заслуги Богочеловека, Господа нашего Иисуса Христа, – одна она делает ничтожными все козни и злоухищрения врагии!» Да, духовная мощь, которую сохранили в себе даже падшие ангелы, несравненно превосходит любую вещественную силу. Но разрушению Вселенной препятствуют действия положительных волновых функций, малейшая из которых способна подавить и мощнейшую отрицательную пси-функцию. Любой Ангел Света благодаря обитающей в нем силе Божией сильнее самого князя тьмы – дьявола. Зло постоянно восстает на добро, но у него нет сил. Эта картина, нарисованная пытливым разумом ученых, помогает понять сущность борьбы добра и зла в этом мире.

Бог зла не творит и не творит. Вселюбящий Господь не является причиной боли, страданий, скорбей и смерти – все это породил в себе и из себя ненавистник-дьявол. Но что же такое «гнев, ярость, отмщение» Господни, о которых говорит образная речь Священного Писания? Как же совершается «карающее злых» Правосудие Господне? Бог никого не казнит: не из-за Него льются человеческие слезы и кровь, не Он зажег адское пламя. Бог попускает, позволяет демонам совершить все это. Говоря тем же, неприложимым к Всевышнему Духу, но приближающим нас к пониманию Его деяний образным языком, Господь просто «убирает руку» – и в образовавшуюся «щель» немедленно врываются силы зла со своими садистскими и разрушительными действиями. Но происходит это только там, где попустит Бог, и только таким образом и в такой степени, как позволит Он. Так грешники подвергаются бедствиям, потому что их оставил Господь, – не Всеблагий Создатель мучает их, а демоны, которым они своевольно предались в рабство. Вот «гнев, ярость и отмщения» Божии; вот Всеправедные суды Его над нечестивыми и беззаконными. В этом отношении дьявол со своими легионами только «раб Божий», исполнитель попускающей воли Божественного Правосудия.

Однако Господь терпит зло во Вселенной вовсе не для того, чтобы кого-то наказывать. Всевышний попускает злу паразитировать на Своем творении совсем не для того, чтобы вершились суд и расправа. Так, Создатель вызвал (пустил) всемирный потоп, уничтоживший большую часть человечества, не из желания покарать, а потому что эти массы людей безнадежно увязли во грехе; появление новых поколений в подобной среде означало бы только умножение растопки адских печей – умножение существ, обреченных на вечную муку. Так и Страшный Суд, когда земля и все дела на ней сгорят (2 Пет. 3, 10), придет только тогда, когда Царствию Божию будет уже нечего ждать от человечества. Ибо не для размножения зла, а для возрастания добра существует этот мир. Сокровенная премудрость Божественного Промысла в том, что даже силы зла служат явлению высочайшего добра.

Судьбы Божии

Таинственны пути Промысла; к ним неприменима плоская земная логика, зачастую понимание их оказывается для нас недоступным. Заглядывать в неисследимую бездну судеб Божиих бывает даже небезопасно. Так и духоносный подвижник, преподобный Антоний Великий, задумавшись однажды о смысле мирских событий, получил от Ангела Господня строгое внушение: «Себе внимай!» Тем более безумны попытки судить и рядить о делах Бога Промыслителя при наших наивных представлениях о том, «что такое хорошо и что такое плохо». Для ничтожного рассудка «хорошим» кажется лишь то, что приятно, а плохим – то, что заставляет страдать. Но в Очах Всевышнего злом могут оказаться не только наши якобы «невинные» удовольствия, но и кажущиеся нам несомненными добродетели и добрые дела. Бытовое человеческое добро, как и весь прочий земной прах, не имеет никакой цены для вечности. Мы начнем хоть что-то понимать в судьбах отдельных людей, народов, всего мира только тогда, когда постигнем наконец: наше здешнее существование – это вовсе и не жизнь, а испытательный срок, дарованная нам возможность подготовки к истинной жизни в Царствии Небесном. Настоящее добро – это то, что приводит человека к покаянию и очищению, служит спасению и возвышению его бессмертной души. А таким спасительным добром может оказаться все что угодно: война или чума, тюрьма или нищета, жесточайшая болезнь или тягчайшая утрата. Лишь Вселюбящему Богу ведомо, какими путями ведет Он к вечному счастью всех тех, кто способен спастись.

Почему в этом мире так часто страдают хорошие люди, а злодеи благоденствуют? Этот вопрос с пафосом задавали писатели и философы, на нем богоборцы основывали свою хулу на Всевышнего, им спекулировали большевики, требуя безбожного рая на земле. Но перед лицом вечности все это – лишь жалкое кликушество смертной твари.

Почему страдает праведник? Действительно, Господь попускает страдания Своим избранникам даже чаще, чем погибающим грешникам. Но можно ли назвать человека несчастным только потому, что в забытом младенчестве ему привиделся дурной сон? Вот так и земные муки праведника, как капля, растают в океане уготованного ему небесного блаженства, где *отрет Бог всякую слезу с очей, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет; ибо прежнее прошло* (Откр. 21, 4). И более того: именно скорбь временного мира помогла счастливцу достичь таких высот. Стрдание имеет жгучее, очищающее действие, а в очищении нуждается каждый, даже святой человек, ибо в каждой душе таится злое семя последствий прародительского греха. Вот почему некоторые святые подвижники молили Господа послать им тяжкую болезнь: они чувствовали, что без страдания их душа разнеживается, теряет мужество в борьбе с соблазнами. Праведник стремится в вечность Божию, и страдание – его посох на этом крутом пути.

Почему благоденствует злодей? Что ж, он пьет, ест и веселится, предается гнусным наслаждениям и совершает безнаказанные преступления, «потому что завтра умрет». Это духовный самоубийца, его душа уже мертва для вечности: поэтому Бог Сердцеведец «забыл его» и оставил преуспевать во зле. Зато такого несчастного отлично помнит его хозяин – сатана и ведет строгий учет его непотребств, чтобы потом предъявить жуткий счет, ибо чем больше зла успеет духовный мертвец натворить в этом мире, тем более жестоко сможет издеваться над ним диавол в адской бездне. Таков конец земного «счастья» тех, кто грешит на просторе, кто «грешит бесстыдно, беспробудно».

Стрдание праведника и благоденствие злодея – это два крайних, «полярных» случая судеб Божиих. Между ними находимся мы с вами: нестойкие в добродетели и падкие на грех, спотыкающиеся на каждом шагу земного пути. Среди благополучия мы забываем о Господе и заповедях Его, начинаем мертветь душою. Пока гром не грянет, мужик не перекрестится, гла-

сит пословица. И попускаемые нам скорби – это зов любвеобильного Небесного Отца: «Опомнитесь, не губите себя навеки, вернитесь с кривых путей греха на путь правды, ведущий в счастливое бессмертие». От нас самих зависит, услышим ли мы спасительный зов Вселюбящего. В скорбях, искушениях и испытаниях неразумный начинает роптать на Бога, мудрый – благодарит Создателя. Еще ветхозаветная премудрость отмечала: *Кто жалеет розги своей, тот ненавидит сына; а кто любит, тот с детства наказывает его* (Притч. 13, 25). И в апостольских Посланиях сказано: *Если же остаетесь без наказания, которое всем обще, то вы незаконные дети, а не сыны* (Евр. 12, 8). Так Небесный Отец пытается спасти нас от вечных страданий через земную боль.

Таинственны пути Промысла Божия. В этом мире нет ничего случайного. Из веяний благодости и действий злобы, в сплетении личных судеб людей и судеб целых народов, в смене веков и исторических потрясений Господь Промыслитель творит картину *седьмого дня*. В этой картине временного мира каждая (каждая!) человеческая душа получает *столько, сколько может вместить*, – Благодсть Божия дает каждому наилучшие условия для спасения. За гранью телесной смерти, очнувшись от духовной слепоты, каждый погибший грешник вспомнит, сколько раз Господь звал его к Себе, а он противился Отчим призывам. Так жертвы вселенской злобы останутся безответны на Суде Божиим. Ведь Суд этот прост: из невыносимого и страшного только для погибших Отчего Сияния прозвучит единственный вопрос: «Человек, что ты сделал со своей бессмертной душой?»

Бог Промыслитель творит картину мира, но в этой картине мы остаемся свободны. От нас самих, от каждого из нас зависит, черным или светлым мазком ляжет его жизнь на таинственный холст. Господу не нужно наше внешнее добро – Ему нужно, чтобы стали добры наши души. Для этого нам даровано все: и сердце, способное любить Бога и ближних, и глубокий разум, и Божественное Откровение, и Таинства Церкви Христовой с Божественной благодатью в них, и много чего еще. Наша воля свободна: мы можем сказать «да» Божественной любви или диавольским лстивым соблазнам. Мы – обитатели *седьмого дня творения*. Но наступит и *день восьмой*: вечность Божия! Тогда распадется плоская картина временного мира: все светлое из нее войдет в живую жизнь Пресветлого Неба; все темное стечет в изнанку мироздания, в гиблый диавольский антимиp. Где тогда окажемся мы с вами, каждый из нас?

Человек, бывший венцом творения Божия, пал – и искалечил сам себя и все вокруг себя. Теперь даже искаженный нашим падением мир призывает нас: восстаньте из ничтожества своего! В окружающей нас природе появилось много такого, что пугает и отталкивает нас, но в ней жива память о райской гармонии, и в человеческих силах даже здесь восстановить свое былое величие. Ты скажешь: «“Змея ужасна”. Но бойся Господа, и она не сможет повредить тебе. Жалит скорпион. Но бойся Господа, и скорпион не ужалит тебя. Кроважаден лев. Но бойся Господа, и лев сядет у ног твоих, как у ног Даниила», – говорит святитель Кирилл Иерусалимский. Действительно: хищные львы становились кроткими, как в раю, и ласкались не только к пророку Даниилу, но и ко многим христианским мученикам и отцам-пустынникам. По поводу жалящих насекомых есть новейшее свидетельство преподобного Паисия Святогорца: в кельях афонских монахов полно скорпионов, но к ним относятся так же безразлично, как в России к тараканам. Для праведных сбывается обетование Господне: *на аспида и василиска наступишь; попирать будешь льва и дракона* (Пс. 90, 13). Ни животные, ни люди, ни демоны, ни сам диавол не смогут причинить вреда тому, кто страшится не твари, а Творца, боится своими грехами оскорбить Божественную любовь.

На что мы ни взглянем в окружающей нас природе, всюду урок или упрек. Бессловесные твари подают нам благой пример, чтобы устыдился падший венец творения. Нерушимая супружеская любовь и верность лебедей. Преданные собаки готовы умереть за любимого хозяина. Еще в Ветхом Завете трудолюбие крохотного муравья служило укоризной ленивым бездельникам. Но в искаженном мире много и образов-предостережений: отвратительного скотства,

в котором погрязают падшие люди. Слепой крот копошится в земле, равнодушный к сиянию солнца: так и мы среди унылых житейских забот и суеты не видим Солнца Правды – Господа нашего. Вымытая свинья идет валяться в грязи – так и мы, очищенные святым

Таинством Крещения, валяемся в смрадной тине порока. Стервятник жадно расклевывает падаль – так и мы набрасываемся на скверные, мертвящие нас наслаждения. Человек, поступающий подобным образом, становится скотоподобным. Как у бессловесной скотины, все интересы его – в земном; он весь – земля и прах, непотребный для Неба. Но даже среди скотов мы не найдем тех гнусностей, которые изобрели для себя люди по дьявольскому наущению (а сейчас эти мерзости уже открыто пропагандируются). Сатана – это первый садист, задолго до маркиза де Сада; первый мазохист, задолго до Зохера Мазоха; древнейший фрейдист, задолго до Зигмунда Фрейда. Каждый скотский порок имеет за собой гнусного демона, каждый извращенный порок – демона гнуснейшего. Духи зла паразитируют на материальном мире: не имея собственных тел, они как бы присасываются к телу совершающего грех и наслаждаются его делами. Хочется ли нам иметь на себе таких «наездников»? Омерзительный облик злых духов не имеет подобий в животном мире – отдаленное представление могут дать пресмыкающиеся: раздувающая капюшон кобра с раздвоенным жалом, лютый крокодил или же безобразные твари – скорпион, сколопендра, мокрица, мохноногий паук-кровосос. Но все эти создания показались бы милыми и прекрасными в сравнении с чудовищами-бесами. Их мы берем в «друзья», когда наслаждаемся грехом. Есть и такие люди, которые сближаются со вселенской злобой вплотную. Сладострастные мучители и убийцы, былые и нынешние извращенцы-содомиты, «продвинутые» экстрасенсы и черные маги, каменщики антихристового царства, приверженцы сатанинских культов – демоноподобны.

Скотоподобная или тем более демоноподобная человеческая душа помрачена безнадежно: она несовместима с Царством Горнего Света – это растопка для адских печей.

После смерти тела грешная душа проходит так называемые воздушные мытарства, где легионы демонов работают, как система магнитов. На разных этапах мытарств бесы корыстолюбия, блуда, пьянства, гордыни и других пороков заманивают душу к себе – и она притягивается к тому, к чему более всего пристрастилась за время земной жизни. Горе душе, если эти магниты остановят ее на пути к Небу Божию. Сатана – лжец: в его геенне погибший грешник не найдет пищи для своей низкой страсти, и муки неутоленного порока станут одной из пыток, вечно терзающих несчастного в адской бездне. Так, предаваясь на земле пороку, мы развиваем в себе свой внутренний ад, который увлекает нас под хохот демонов в ад кромешный. Горе тому, кто за временную жизнь не взрастил в себе семена бессмертия и навсегда остался чужим Горнему Царствию!

Тут опять слышится ропот *совопросников века сего* (1 Кор. 1, 20): неужели, мол, Всевышний настолько жесток, что из-за каких-то грешков обречет Свое создание на вечную пытку? Но дело не в «грешках», даже не в грехопадениях, даже не в ужаснейших преступлениях падших людей. Законы вечности совсем иные; они и несравненно строже, и несравненно милосерднее, чем это видится земным суемудрам. Всевышний Судия не похож на бухгалтера со счетами или аптекаря с весами, который тщательно высчитывает, больше добрых или злых дел совершил на земле человек, и в зависимости от этой арифметики отправляет его в рай, в ад или в мифическое чистилище, как это представляется заблудшим римокатоликом. Суть не в земных делах и делишках, а в качестве человеческой души. Небесный Отец простит всех, кого можно простить. Он возьмет в Свое Царство всех, кто сможет там существовать, – как уже принимал кающихся разбойников, блудниц, мытарей и грешников. Не нужно никаких чистилищ, где веками страданий искупал бы грешник земные свои беззакония перед переходом в рай, – нет, огонь Божественной любви мгновенно выжжет из души всю земную скверну, если душа способна выдержать этот огонь. Таково милосердие Бога Вселюбящего.

Но напрасны и безумны надежды тех, кто полагается на всепрощение Божие и упрямо продолжает грешить. Мол, «Бог милостив, спасемся все!» – восклицают они, стремительно скатываясь в дьявольскую ловушку. Им хотелось бы прикинуться такими розовыми младенчиками, которых добрый Боженька обязан кормить с ложечки манной кашей, а также стирать за ними грязные пеленки. Но человек – не младенец, а разумное существо, наделенное великими дарованиями и призванное к высочайшей участи. И Всесовершенный Господь не всепрощающий добрячок. Царство Небесное – это не приют для рабов греха, которые просто не смогут там существовать, потому что не выдержат Пречистого Света. Погибшая душа потому и называется погибшей, что сделалась непригодной для жизни в вечности Божией. Человек уже на земле должен породниться с Небом, иначе Горнее Царствие отбросит его от себя. Таково непреложное и неизбежное правосудие Господне.

Божественная любовь – это воздух вечной жизни. И уже на земле мы должны научиться дышать этим чистейшим воздухом вершин: как бы развить в себе соответствующие «легкие», если не хотим потом задохнуться навеки. Для падшей твари, какой является человек, это необычайно трудно. Грехолюбивая плоть, тщеславный ум, страстное сердце – все втягивает нас в ядовитую атмосферу соблазна, которой дышит лежащий во зле мир. А спасительная вера Христова требует от нас полного очищения: не только чистоты поступков (уже на это многие оказываются неспособными), но и чистоты помыслов – высветления всех уголков души, призванной к Небесному Свету. Это кажется непосильным, и малодушные сразу отшатываются с криком: кто может это совершить? Да, самому человеку это невозможно, но все возможно с благодатной помощью Божией. Надо бороться: если упал – встать, пусть падать снова и снова, но снова вставать и молить о помощи Творца. Так, в поте лица, в неустанном труде над собой простирает человек свою свободную волю навстречу Божественной любви, и тогда осеняет его Всемогущая благодать Духа, поднимая на все более высокие вершины. Так происходит встреча человека с его Создателем. Иного пути спасения нет.

(Говоря о духовных легких, необходимых человеку для дыхания в Любви Божией, можно сказать и о поисках противоположного способа существования. Сознательные сатанисты зря тужатся отрастить себе какие-то жабры для плавания в княжестве тьмы: там вообще нечем дышать. В мрачном адском пламени ни для людей, ни для демонов нет никаких удовольствий: чудовищным страданиям подвергли себя все, и более всех мучается сам диавол, тщетно пытаясь смягчить эту пытку терзанием своих прислужников.)

Святые отцы сравнивали земную жизнь с плавильной печью, в которой очищаются благородные металлы, но сгорают нестойкие примеси. Да, строгие испытания посылает нам Божественная любовь. Но нелепо думать, что спасающиеся – это особые люди, которых выбрал для Себя Господь, оставив погибать остальных. Такие умствования протестантских сект – клевета на Создателя, Который любит всех и всем желает спастись. Предопределенность человеческих судеб свыше означает только то, что Бог из Своей вечности уже видит, какой выбор сделает и к чему придет каждая душа. Избранники Божии – это те, которые избрали для себя Бога. Спастись может любой. Для этого нужны только высокий порыв и крепкая решимость, а не дряблая раздвоенность мыслей и чувств: рай, мол, хорош, да грех-то сладок; хотелось бы, дескать, Богу угодить, да уж очень я слаб. Это лжесмирение, эти лукавые ссылки на свою немощь – губительный самообман упрямых грешников, душетленное самоуничужение паче гордости. Да, без Бога человек действительно только ничтожное двуногое «разумное смертное животное», по Аристотелю. Но с Богом человек становится велик и могуществен, он светло и свободно торжествует над лежащим во зле миром.

Святитель Иоанн Златоуст говорит: «Как велико достоинство души! Через ее силы строятся города, переплываются моря, обрабатываются поля, укрощаются дикие звери, открываются искусства. Но что важнее всего – душа знает Бога, Который сотворил ее. Один только человек из всего видимого мира воссылает молитвы к Богу, получает откровения, изучив при-

роду Небесных вещей, и проникает даже в Божественные тайны. Для него существует вся земля, солнце и звезды, для него сотворены небеса; для него посылались Апостолы и Пророки и даже Ангелы; для его спасения, наконец, Отец ниспослал и Своего Единородного Сына!»

Человек есть поистине венец творения. Это сказано не о падших людях временного мира, а о восставшем из падения наследнике Царствия – человеке *восьмого дня*. Величайшая слава достигается через преодоление. Ангелам было легче спастись, чем людям: им нужно было только не отпасть, не выпасть из уже дарованного им Пречистого Света. А человек теперь призван победить зло в себе и вокруг себя. Путь спасенных людей – это полет из бездны, закаляющий могучие крылья духа для Небесной жизни. Человеческая любовь проходит величайшие испытания, потому что приводит к высочайшему счастью. Вот почему труд и пот, слезы и кровь испытательного земного срока попустил и даровал Вселюбящий Творец любимейшему Своему созданию. Так из праха и смуты, из мимолетности и смертности *седьмого дня* творит Всевышний избранных Своих сынов и дочерей – Богоподобное Небесное человечество.

Велик человек! В неизвестной нам полноте ангельского бытия даже у семи светлейших Архистратигов мы видим не только славословие Богу, но и служение людям. Мы не знаем, какое место в Небесной иерархии занял тот или иной святой человек. Но об Одной мы знаем: рожденная на земле Дева Мария стала выше и прекраснее всех лучезарных духов Добра и Света – «Честнейшая Херувим и Славнейшая без сравнения Серафим». Царица, достойная Небесного Царя, – вот венец венца творения Божия. Так среди «лежащего во зле мира» Промысл Божий взрастил совершеннейшее создание духовного и видимого миров. Если бы из всей тварной Вселенной, из всех человеческих сонмов явилось одно только Живое Чудо чудес – Пречистая Богородица, то и тогда *седьмой день* озарился бы величайшим смыслом. После Ее явления Всевышний как бы добирает остатки с земной нивы – но как щедр этот золотой урожай новозаветной святости: как ярко сияют в Горних мужественные апостолы, доблестные мученики, преподобные подвижники, мудрые святители...

Человеческая душа – вот настоящее поле битвы между добром и злом. Это единственное сокровище, за обладание которым сражаются Бог и сатана. Океаны и континенты, солнце и звезды, галактики и метagalaktiki падшего мира – все это материальный мусор, который Бог рано или поздно обновит огнем, как изношенную одежду. Одна-единственная человеческая душа, душа каждого из нас, несравненно дороже всей видимой Вселенной. В этом мире только душа человека имеет значение, ибо она – бессмертна. Если человек погубит себя, его вечные муки станут гнусным наслаждением для человекоубийцы дьявола. Если человек спасется, его счастливый свет усилит общее блаженство Небесного Царства.

Сознание человеческого величия для нас – не повод к гордыне, а побуждение к горькому плачу. Как недостойны мы милости Божией, как темны наши зараженные грехом души, как близки мы к пропасти адской и далеки от Божественной Любви! Что мы сделали и делаем со своими бессмертными душами, во что мы превратили дарованное нам от Господа величие?! Сколько трудов и слез нужно нам, чтобы омыть наши преступления, очиститься от зловонного грехолюбия нашего! Какое снисхождение Небесного Отца требуется, чтобы нам стать хотя бы малейшими светлячками в Пречистом Его Царствии! Но не будем унывать. Всещедрый Господь распахнул перед нами двери, через которые мы можем вернуться в славу детей Его: двери покаяния.

Спасение человека – это всегда взлет из бездны. Есть множество примеров того, как на крыльях покаяния может вознестись сильная душа и из страшнейших падений. Злейшими страстями была одержима Мария Магдалина. Просвещенная Христом, она превзошла в мужестве всех учеников Его, бесстрашно проводила своего Спасителя на Крестном Его пути. Жестокий гонителем истинной веры и соучастником святоубийств был фарисей Савл. Увидев нетварный Божественный Свет Христов, он стал великим апостолом Павлом, просветителем народов. Диким язычником, считавшим за доблесть убийства и разврат, был князь Владимир.

Узнав Бога Живого, он стал Крестителем Руси, человеком удивительно милосердным, целомудренным и кротким. (Вот, кстати, одна из многих причин того, почему нам нельзя никого осуждать, – только Господь Сердцеведец знает, кто на самом деле тот, кого мы порицаем. Не хулим ли мы своим судом будущего великого избранника Господня и избравшего его Всевышнего? Глубокая мудрость явлена в смиренной мысли святых отцов: считать себя хуже всех.) А для нас самих пример взлетов из бездны означает одно: не отчаиваться. В любых испытаниях, страданиях, утратах, падениях, кажущихся совершенно безнадежными, – не отчаиваться, а уповать на Всемогущего Создателя. «Где способа спасения нет, там Бог способ находит», – говорит святитель Филарет Московский.

Божественная любовь нашла выход даже из безнадежного положения, в какое попало падшее человечество. Помрачив свою природу грехом, человек стал злым существом, рабом диавола – и утратил свободу воли. Вновь переродиться для добра самим людям было так же невозможно, как хищнику начать питаться травой или улитке научиться летать. Сумрачны были ветхозаветные времена, когда человечество рабствовало злым духам. Даже лучших из тогдашних людей мог оседлать демон и ввергнуть в грехопадение со злорадным хохотом: «Бога ищешь? Чистоты захотел? Ну нет, валяйся в грязи!» Вот почему в Ветхом Завете много такого, против чего протестует христианское нравственное чувство: многоженство, вспышки гнева у пророков, воинственная жестокость царей. Вот почему даже праведники ветхозаветных времен сходили во ад – вывел их оттуда только Христос, Кровью Своею на все времена выкупивший из дьявольского плена всех, кто стремился к Богу Живому. Человек не мог переродиться сам: и Вселюбящий Господь в Лице Сына стал Родоначальником спасаемого человечества. Это была *полнота времен*: начало преображения падшего мира. Непостижимой Жертвой – страданиями, кровью и смертью воплотившегося Всевышнего – возвращена людям свобода воли.

Нам даровано великое счастье – жить в искупленном, освобожденном Господом Иисусом Христом мире. Демоны уже не имеют власти насиловать наши души, они могут только пытаться соблазнять и обольщать. Нам даровано несравненно больше, чем нашим прародителям. Первые люди, наделенные образом Господним, были только призваны к уподоблению Господу. Жертвенная любовь Сына Божия одарила нас кровным родством с Всевышним. Любой христианин, причащающийся Плоти и Крови Христовых, без всяких заслуг со своей стороны принимает в себя Бога. В его душе – Всемогущество Божие, страшное для злых духов. Так верные могут следовать апостольскому завету: *Противостаньте диаволу – и убежит от вас* (Иак. 4, 7). Восстать против злого духа – значит возненавидеть зло в самих себе, проникнуться отвращением к приторной слизи греха, которой пичкает нас сатана. Если мы со всем мужеством восстанем против всего позорного и низкого, что было в нашем прошлом и есть в настоящем, всей силой плачущего от стыда сердца ополчимся против нечистот собственной души, тогда сбудется нам по слову молитвы: «Яко тает воск от лица огня, тако погибнут беси от лица любящих Бога». Если мы истинно покаемся и облечемся в благодать Божию, злые силы уже не смогут обольстить нас.

Мы сами впускаем в себя врагов, демонов-человекоубийц. Страшны следствия наших греховных поступков, так как ими мы несем мрак и сеем соблазн в окружающем мире. Но еще хуже то, что таким образом мы, освобожденные Христом, по своей воле вновь отдаемся в гнусное рабство и начинаем *работать сатане*. Позволяя себе грешить, мы тем самым позволяем демонам все прочнее укореняться в нашем внутреннем мире, все глубже запускать когти в нашу душу. Нечистота не только дел, но и мыслей наших, накапливаясь, приводит к тому, что злые силы вновь обретают над нами власть. И вот мы уже против воли впадаем в мерзкие нам самим состояния: совершаем поступки, которые у нас самих вызывают отвращение и ужас. Но и тогда нельзя отчаиваться. Упали? Встаньте и спешите к Небесному Отцу. Пусть несчастная душа с плачем жалуется Богу на то, что ее насилует сатана. Стыдно душе признаваться Всевышнему в своем падении при Его свидетеле – священнике, но настоящий позор и погибель

для нее – оставаться наложницей демона. Стыд исповеди спасителен, он научает человека: бойтесь греха! Плачьте пред Господом о вине и беде своей: тогда Всещедрый Господь уврачует и защитит, избавит вас от власти злой силы.

Наши падения, наше бессилие в борьбе с соблазном, все наши немощи и скорби напоминают нам о том, что человек без Бога – только ничтожная тварь, прах из праха. Так мы учимся смирению. И если мы в послушании святым заповедям Божиим смиримся под крепкую руку Его, тогда на земле начнется совсем иная, светлая жизнь. Тогда мы поймем, как легко священное иго и благо святое бремя Христово.

Благодатная жизнь христианина – это глубокий покой, мир в душе. Среди любых испытаний в смиревшемся сердце живет радость о Господе Милующем. Гаснут мучительные страсти: ненависть, тщеславие, жажда денег и комфорта, зависть и тому подобное. Нет мнимых страхов, иссушающей душу тревоги: что будет завтра? Верный доверился Небесному Отцу: «возложил на Него печали свои». Самые слезы смиренного – это не злая соль обид и утрат, а сладость покаяния, потому что они несут с собой очищение. Через радость молитвы сердце человека раскрывается к чистым радостям этого мира. Освящаются все чувства и мысли того, кто начинает *ходить перед Богом*.

Земная любовь, земная мудрость, земная красота становятся для нас ступенями к Небу. В них скрыты сокровища Царствия, которые, если Господь сподобит, мы унесем с собою в вечность. Здесь, в этом смертном искаженном мире, все несет на себе печать грусти и ущербности. Но какое счастье знать, что все лучшее в нас и вокруг нас мы можем сделать бессмертным и совершенным!

Тайна восьмого дня

Земная любовь окрыляется при свете благодати. Ревность, слепая страстность, эгоизм, желание властвовать – все нечистое исчезает из святого чувства любви. Рассеивается смута отношений – приходит радостная готовность служения, взаимное счастье *носить немощи друг друга*. Мы учимся милосердию – милости сердца. Нас тревожат болезни и невзгоды любимого человека, но и эти страхи растворяются в доверии ко Всевышнему, в сознании временности бед и вечности любви. Даже тягчайшая скорбь о смерти ближнего претворяется надеждой на счастливейшую встречу на Небесах, где союз любящих расцветет в несказанной полноте и красоте. Через истинную любовь к ближним расширяется сердце и становится невозможным в ком-то видеть врага, на кого-то бросать косые, осуждающие взгляды. Пробуждается жалость к заблудшим грешникам, сострадание к несчастным и падшим, желание делать добро каждому. Это не абстрактная «забота о счастье всего человечества», под каковым лозунгом сеяли ненависть и разжигали братоубийство безбожные переустроители обществ, – нет, христианская любовь есть живое чувство к живым людям, которых мы видим перед собой. Это уподобление любви Небесного Отца, Который бесконечно любит каждого человека и всем желает спастись. Только через любовь к ближним сердце обретает способность любить Всевышнего. Того, кто твердит о своем боголюбии, а не любит брата своего, святой апостол называет лжецом. Но и любовь к близким искажается, оскверняется, мертвеет у тех, кто не имеет начатков любви к Богу, послушания святым заповедям Господним.

Бог есть Источник любви. Мы видим, как в обезбоженных обществах враждуют родители и дети, разрушаются семьи, предается поруганию супружеская верность, самое понятие «любовь» низводится до похоти. Без веры и верности Господу Вселюбящему лучшие порывы человеческого сердца пропадают во мраке, в нечистоте, в смерти. Истинно любящий должен знать Бога и помнить Его. Любовь – это чувство верующих и чистых сердец: только из такого источника рождаются милосердие, доброта, нежность, сострадание, готовность и жизнь отдать за любимого человека. Для этого священного чувства человек должен прежде всего очистить себя – освободиться от греховных дел и помыслов: гневливости, тщеславия, властолюбия и прочих пороков. Такое самоочищение возможно только пред Богом и с помощью Божией. А без этого земная любовь вырождается в страсть, которая не счастье, а горе несет нашим ближним. Без достижения внутренней чистоты и света, даруемых Божественной благодатью, вообще немислимо нести какое-то добро в мир. Истинное служение ближним и тем более дальним есть служение любви, дело Божие. Какое добро может излиться из оскверненной грехами души, зараженного гордыней ума, поработанного страстями сердца? Тщеславие, холодное или страстное делание внешних «добрых дел» неугодно Господу, и нередко такое добро вырождается в явное или скрытое зло. Еще хуже, когда самовлюбленный грешник бросается миссионерствовать: рвется спасти чужие души, когда его собственная стоит на пороге гибели, – такова судорожная внешняя активность еретиков. Не люди спасают друг друга: спасает Единый Господь. Православный путь, путь истинной любви и настоящего доброделания, зиждется на том, что дело Божие нужно начинать с совершенствования собственной души.

Возможность деятельной любви, возможность нести свет в мир – это величайший дар Господень христианину. Здесь нет никакой заслуги человека – это именно дар Божий тому, кто в горниле покаяния сумел преобразить свою душу, сделать светлым свой внутренний мир. Богу не нужны наши добрые дела: Всемогущий способен во мгновение ока накормить всех голодных, напоить всех жаждущих, приютить всех бесприютных, утолить все земные нужды. Но воля Всевышнего о нас состоит в том, чтобы в этих нуждах люди могли служить друг другу, ибо так возвращается между ними взаимная любовь. В великом смирении надобно совершать добрые дела. Тот, кто тщеславится своей благотворительностью, *уже получил награду свою*,

хуже того – взрастил в себе не святую любовь, а пагубное самолюбование. Только от тех, кто в своем доброделии считает себя лишь ничтожным орудием благодати Божией (а так оно и есть!), – только от смиренных Всевышний принимает добро как соделанное Ему Самому.

Высочайшего смирения требует от христианина дар Господень служить не только земным нуждам, а и бессмертным душам других людей. Выводя человека на проповедь, Вселюбящий Творец призывает человека к сотворчеству с Самим Собой в созидании Небесного человечества. Это несравненное счастье и грозная ответственность: быть орудием Всевышнего, через которое даруется человеческим сердцам Божественный Свет. Таков путь Промысла Господня: чтобы и духовные дары получали люди друг от друга, дабы процвела меж ними Божественная любовь. Ведь что такое Царство Небесное? Это великий союз любящих и любимых, великая семья Божия.

Для Небесной любви возвращает Господь детей Своих во временном мире, окрыляя их взаимной любовью. Для единения в любви приобретено Кровью Христовой и даровано нам бесценное сокровище – Святая Церковь Господня, Мать-Церковь наша. Человек не может спастись в одиночку: ограниченным умом и сердцем он так же не способен понять и объять Непостижимого Всеобъемлющего Создателя, как своими слабыми руками дотянуться до солнца. Одиноким поиском неминуемо заводит ум в лабиринты дьявольской лжи, одинокое сердце неизбежно запутывается в паутине соблазнов или обольщается демонскими миражами. Горе тщеславному безумцу, возомнившему себя способным вне Истинной Церкви достичь богопознания, – он не только погибнет сам, но сделается еще орудием дьявола, если вовлечет в свое заблуждение других людей, – таковы создатели ересей и расколов. Истинная Церковь Христова является Соборной, или Кафолической, «потому что по всей есть вселенной, от концов земли до концов, и потому что учит во всеобщности и без всякого опущения всему, что должно входить в состав человеческого знания, догматам о видимых и невидимых вещах, о небесном и земном; и потому, что весь человеческий род благочестию подчиняет, и начальников и подчиненных, просвещенных и неученых; и потому что повсеместно врачует и исцеляет всяких грехов вид, душой и телом совершенных, приобретает же в ней всякая мысль, называемая добродетелью, в делах же и словах и духовных всяких дарованиях». В Церкви человеческая немощь врачуется благодатными Таинствами, окрыляется могучей соборной молитвой, просвещается светом Божественного Откровения, осеняется покровом заступления Ангельских Сил, святых подвижников и Самой Матери Божией. Церковь дарована нам и для того, чтобы в благодатных ее объятиях мы поняли, как нужны друг другу, и научились святой взаимной любви.

Земная мудрость приобретает смысл только в сиянии Премудрости Божией. Мудрость – это стремление к истине, а Истина истин – это Господь. «Истина науки находится в единстве с Истиной веры», – утверждает святитель Игнатий (Брянчанинов). Действительно, мы видим, как любая отрасль знания, достигнув зрелости, становится свидетельницей Божественного Откровения. Познание основ мироздания, смысла человеческой жизни и сущности самого человека – все это возможно только при знании Творца всего существующего. Что останется от науки, если изъять из нее Божественное начало? Мертвая игра ума, подобная стуку костяшек домино. Сухой треск формул и вычислений. Пестрое собрание сведений, похожее на коллекцию спичечных этикеток. Наконец, техническое изобретательство: изобретение все более и более изощренных средств повышения комфортности быта и ведения войн, которые становятся все более опасными и разрушительными и грозят уничтожить Землю. И все это вместе – смертный прах, исчезающий за гранью временного мира. Но, когда земной ум начинает всматриваться в Небо Божие, его усилия приобретают высокий смысл. Благо – постигать разумность законов природы, устремляясь мыслью к ее Творцу и Законодателю. Благо – вдумываться в течение истории, восхищаясь премудростью Промысла Божия. Благо – вглядываться во внутренний мир человека, в свой внутренний мир, размышляя о пути человека в вечность. Вели-

кое благо – когда перед просвещенным разумом в полноте и величии предстает картина Божественного мироустройства.

Бог есть источник мудрости. Человеческие заблуждения и демонские наущения подменили сам смысл высоких понятий «просвещение» и «образование». Этими словами, украденными у христианства, стали называть просто накопление всяких сведений. Один писатель заметил даже: «Бывают дураки, которые очень много знают, – это дураки набитые». А древний философ Гераклит, о котором есть свидетельства, что он при виде людей смеялся сквозь слезы, изрек: «Многознание уму не научает». Нет, не количество переработанной, неусвоенной информации делает человека просвещенным и образованным. Образован тот, кто узрел в себе образ Божий. Просвещен ум, если озарен светом благодати. Разумный человек хочет приобрести мировоззрение – целостный взгляд на мир и на себя в мире. Эту насущную потребность ума пытались удовлетворить разные философские системы. Слово «философия» означает «любовь к мудрости», но за ним по большей части скрывалась только страсть к мудрованиям, основанная на желании выделиться чем-то в истории человечества. Возгордившийся человеческий рассудок тщился понять творения без Предвечного Творца и Его Откровения. «Философия» материализма – это лишь отражение мечты о небытии «мечтателя»-диавола, дрожащего перед расплатой за свои злодеяния. Немногим лучше оказались внехристианские и околохристианские «идеализмы», пытающиеся подменить Бога Живого мертвым абсолютом или бьющиеся в паутине демонической мистики. Чтобы скрыть от людей и от самих себя ничтожество этих умствований, философы выработали свой особый язык, непонятный большинству людей и якобы «внятный только избранным» (к сожалению, этот жаргон педантов начинает проникать даже в богословие). Множество философских систем толкается, ссорится, спорит; все они противоречат друг другу, и каждая кричит о своей истинности, а ведь истина может быть только одна. Эти мудрования входят в моду и выходят из нее, появляются и исчезают, как пена на волне, но, как неколебимая гранитная скала, уходящая вершиной в небо, высится Божественное Откровение.

Только вера дает человеческому разуму крылья для достижения истинной мудрости. В плоском пространстве-времени плоским является и наш рассудок; к тому же этот мир и сам человеческий ум искалечены грехопадением. Вот почему Божественные Истины так трудно постижимы для нас. «Падшее человечество приступает к святой Истине верой: другого пути к ней нет», – говорит святитель Игнатий (Брянчанинов). Вера – единственный способ расширения разума: только через доверие премудрости Божией человеческий ум может приобрести «объемность», приподняться над плоским временным бытием – и взглянуть на мир и себя из вечности. Смирившемуся разуму открываются великие тайны Божии, и он созерцает их в благоговейном восхищении. Так уже на земле верный приобретает способность к счастливому Богопознанию. Пытливый разум – это еще один дар Господень, приближающий нас к Божественной любви. И если сейчас мы видим Божественный Свет *как бы сквозь тусклое стекло* (1 Кор. 13, 12), то в Небесном Царствии познаем так, как мы познаны, и – *блаженны жаждущие и алчущие правды, ибо они насытятся* (Мф. 5, 6).

Земная красота оживает в лучах Божества. Любуясь красотами природы, мы начинаем ощущать, как мир вокруг нас поет гимн своему Создателю. Но этот мир смертен. И на лице природы, как на человеческом лице, мы видим морщины – знаки ущербности и временности, напоминание о непрочности всего земного. Человек пытается сам создавать красоту: мы называем это искусством и даже творчеством. В некоторых эстетических теориях искусство определяется как подражание природе. Видится, что это не совсем так. Создавая красоту, человек силится как бы остановить прекрасное мгновение – придать совершенство и бесконечность увиденному, пережитому, возникшему из встречи его души со внешним впечатлением. В лучших произведениях искусства природа как бы одухотворяется: дышит море, волнуются деревья, говорят цветы. В искусстве может отразиться жажда познания собственной души,

человеческих отношений, истории и протест против зла, искажающего мир. Этот путь поиска совершенной красоты, преодоления ущербности мира – благой путь, приводящий к Всесовершенному Богу. Но, к несчастью, человеческое искусство редко идет этим высоким путем.

Бог есть Источник красоты. Только веяния благодати Господней могут сделать произведение искусства вдохновенным, то есть возвышающим душу. Но уже в именовании земного искусства творчеством скрыт опасный соблазн. Общество окружает талантливого человека искусства славой – многие не выдерживают этого искусства и заражаются гордыней. Почувствовав себя творцом, тщеславный человек пытается создать красоту без Всевышнего Творца или даже в противовес Ему. Как и наука, в сущности своей искусство – добро, благодатный дар Божий. Но злая воля может обратить его в смертоносное зло. Так, подобно наукопоклонничеству, возникает искусствопоклонничество, возведение искусства и его деятелей в кумиры. Недаром в числе главных причин большевистского кошмара, постигшего наше отечество, отмечалось: «В России место святых заняли писатели». В искусстве талант начинается с умения создавать красивые формы: это просто ремесленный дар – владение стилем и построение сюжета для писателя, кистью и красками – для живописца, гармонизацией звуков – для композитора и тому подобное. Но вот в красивую форму возгордившиеся творцы начинают вкладывать соблазнительное содержание, как в красочную упаковку – отравленные сладости. Плоды такого «творчества» можно еще сравнить с душами древних фарисеев: раскрашенные гробы, внутри которых – зловоние и разлагающиеся трупы. Не счесть произведений искусства, в которых поэтизируются и романтизируются разврат и прелюбодеяние, разгул и убийство, богохульство и богоборчество. Грехолюбивые толпы жадно набрасываются именно на такую «духовную пищу», льстящую их порочности, и именно таким «шедеврам» создается громкий успех.

В наше время всеобщего падения нравов искусство уже не подражает природе, не одухотворяет, а извращает ее. Идет зримое разложение «творчества» гордецов, искажающее чувство прекрасного и у потребителей этой фальшивой «духовности». Литература, кино, театр начали откровенно и бесстыдно спекулировать на низменных похотях и пропагандировать содомско-гоморрские мерзости. Разлагается музыка: в ход пошел рок – магические ритмы дикарей-язычников, заражающие слушателей беснованием. Разлагается живопись: различные ее школы, от кубизма до абстракционизма, пытаются исказить или расчленить видимый мир, выдают за прекрасное хаотические изображения. Красотой стали именоваться всяческая гнусность и безобразие. Так люди искусства предают поруганию данный им от Бога талант, превращая свой дар в орудие греха и соблазна, сами делаясь прислужниками дьявола. Горе «творцам»-соблазнителям, черпающим свое «вдохновение» из демонских нашептываний, ибо в адской бездне ответят они за каждое злое семя, посеянное ими во множестве человеческих душ. А для взоров верных жалкие поделки этих извратителей природы не затмят Божественной красоты, отражающейся в творении Всевышнего.

Прекрасен мир Божий. Прекрасны и лучшие произведения человеческого искусства, стремящиеся представить мир и человека в их неискаженной красоте. Вершина такого творчества (истинного творчества) устремляется в Небо – в духовной литературе и музыке церковных песнопений, в иконописи и архитектуре храмов. Но нужно помнить, что Источником красоты, в том числе и созданной человеческими руками, является Всесовершенный Создатель, Художник земли и Небес. Святитель Иоанн Златоуст писал: «Какое было бы безумие, увлекаясь красотой тварей, останавливаться на них и не поднимать умственного взора к Творцу». Всецедрого Бога должны мы благодарить за радость любования природой, за счастье созерцания Его творения. И если так прекрасен даже падший мир, то какими несказанными красотами блистает совершенное Горнее Царствие! «Господь – Световидный Источник бессмертного потока», – восклицает преподобный Симеон Новый Богослов. И какова же Красота Самого Творца, которую спасенные люди сподобятся лицезреть воочию!

Стремление пересоздавать, украшать, преображать мир и себя в нем дано человеку от Бога как благодатный дар, не для злоупотребления. Творческое начало проявляется не только в искусстве, но и почти во всех областях человеческой жизни, в особенности – в созидании красоты человеческих отношений: строительстве семьи и воспитании детей, духовной дружбе и наставничестве, сплочении братолюбивых общин, в творении душ друг друга. И эту способность радоваться красоте и созидать ее мы можем унести с собою в пресветлое Небо.

Так земная любовь, земная мудрость, земная красота – все лучшее, что есть в этом мире, – преобразившись и просветлившись в душах верных, станут их вечным сокровищем в Царствии Божиим. Это те семена, из которых произрастет новое вселенское цветение, неизмеримо прекраснее древнего райского сада.

Среди даров, которые приготовил Всещедрый Творец спасенным детям Своим, есть и счастье сотворчества со Всевышним. От начала времен духи добра и света становились Ангелами-Хранителями людей, участвуя в спасении и созидании их для вечности. Каждый достигший Небес праведный человек становится другом Божиим и остается другом своих живущих на земле братьев и сестер. Души святых людей имеют особое призвание помогать нам в борьбе с тем злом, которое побеждали они сами. Так врачуют они болезни тел и душ творящими лучами дарованной им благодати. Это Небо святых сил распростер над нами Всещедрый Творец, как некогда Он возжег *светила на тверди небесной... для знамений, и времен... чтобы светить на землю*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.